II. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Информация для цитирования:

Аристов Е. В., Понкин И. В. Будущее социальности государства и социального государства в контексте цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 2(68). С. 175–191. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-175-191.

Aristov E. V., Ponkin I. V. *Budushchee sotsial'nosti gosudarstva i sotsial'nogo gosudarstva v kontekste tsifrovizatsii* [The Future of Welfarism and Future Welfare State in the Context of Digitalization]. – *Perm University Herald. Juridical Sciences.* 2025. Issue 2(68). Pp. 175–191. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-175-191.

УДК 342.4
DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-175-191

Будущее социальности государства и социального государства в контексте цифровизации

Е. В. Аристов
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
E-mail: welfarestate1@gmail.com

И. В. Понкин
Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: i7@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 02.03.2025

Введение: *наличие в Конституции Российской Федерации и конституционном законодательстве зарубежных стран норм о социальном государстве и социальности государства позволяет сделать вывод об идеальном направлении государственной политики в данной сфере. Развитие различных информационных технологий в современном мире, безусловно, оказывает сейчас и окажет в будущем воздействие на все направления государственной политики. Поэтому важно понимать, каким образом данная новизна будет влиять на концепт социального государства, нужна ли она ему вообще.* ***Цель:*** *на основании изучения эволюции социального государства, различных подходов к определению его концепции, объема и содержания попытаться ответить на вопрос о том, нужна ли современному социальному государству цифровизация в различных ее проявлениях.* ***Методы:*** *методология исследования основана на авторских научно-правоведческих конституционно-правовых теориях социального государства и социальности государства, административно-правоведческой административно-правовой теории девиантологии государственного управления, а также базового научного концепта прогнозирования будущего в праве и комплексного масштабируемого и мультимодального инструментария предиктивной правовой аналитики.* ***Результаты:*** *рассмотренные научные материалы, нормативные акты позволяют говорить о том, что без цифровизации успешное развитие и существование современного социального государства невозможно. Задача любого современного социального государства состоит в минимизации влияния цифровых рисков на социальность государства.* ***Выводы:*** *проведенное исследование свидетельствует о невозможности отказа от социальной функции государства и основы его конституционного строя – социального государства. Задача цифровизации в рамках взаимоотношения с социальным государством состоит*

© Аристов Е. В., Понкин И. В., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

II. PUBLIC LAW (STATE -LEGAL) SCIENCES

Information for citation:

Aristov E. V., Ponkin I. V. *Budushchee sotsial'nosti gosudarstva i sotsial'nogo gosudarstva v kontekste tsifrovizatsii* [The Future of Welfarism and Future Welfare State in the Context of Digitalization]. – *Perm University Herald. Juridical Sciences.* 2025. Issue 2(68). Pp. 175–191. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-175-191.

Аристов Е. В., Понкин И. В. Будущее социальности государства и социального государства в контексте цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 2(68). С. 175–191. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-175-191.

UDC 342.4
DOI: 10.17072/1995-4190-2025-68-175-191

The Future of Welfarism and Future Welfare State in the Context of Digitalization

E. V. Aristov
Perm State University
Perm State Humanitarian-Pedagogical University
E-mail: welfarestate1@gmail.com

I. V. Ponkin
Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
E-mail: i7@inbox.ru

Received 02 Mar 2025

Introduction: *the presence of norms concerning the welfare state and the state's welfarism in the Constitution of the Russian Federation and in the constitutional legislation of foreign countries leads to a conclusion about the ideal trend of state policy in this area. The development of various information technologies in the modern world certainly affects and will further have an impact on all areas of government policy. Therefore, it is important to understand how this novelty will influence the concept of a welfare state and whether such a state needs such innovations at all.* ***Purpose:*** *based on the study into the evolution of the welfare state, various approaches to defining its concept, scope, and content, the paper attempts to answer the question of whether the modern welfare state needs digitalization in its various manifestations.* ***Methods:*** *the methodology of the research is based on the authors' scientific constitutional-legal theories of the welfare state and the state's welfarism, the administrative-legal theory of public administration deviance studies, as well as on the basic scientific concept of forecasting the future in law and a complex scalable multimodal array of tools used in predictive legal analytics.* ***Results:*** *the researched scientific sources, materials, and regulations suggest that successful development and existence of a modern welfare state is impossible without digitalization. The task of any modern welfare state is to minimize digital risks to state welfarism.* ***Conclusions:*** *the research undertaken shows the impossibility of abandoning the social function of the state and its constitutional basis – the welfare state. The task of digitalization in relation to a welfare state lies in proposing digital solutions that reduce the risks associated with the distribution of various*

© Aristov E. V., Ponkin I. V. , 2025

This work is licensed under CC BY 4.0. To view a copy of the license, visit https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

в предложении цифровых решений, позволяющих снизить риски в распределении различных благ, злоупотреблений в обращении с бюджетными средствами социального назначения и их нецелевого использования, сделать социальную политику государства рациональной.

Ключевые слова: социальность государства; социальное государство; цифровизация; Конституция России; бедность; нищета; блокчейн

The Future of Welfarism and Future Welfare State in the Context of Digitalization

E. V. Aristov
Perm State University
Perm State Humanitarian-Pedagogical University
E-mail: welfarestate1@gmail.com

I. V. Ponkin
Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
E-mail: i7@inbox.ru

Received 02 Mar 2025

Introduction: *the presence of norms concerning the welfare state and the state's welfarism in the Constitution of the Russian Federation and in the constitutional legislation of foreign countries leads to a conclusion about the ideal trend of state policy in this area. The development of various information technologies in the modern world certainly affects and will further have an impact on all areas of government policy. Therefore, it is important to understand how this novelty will influence the concept of a welfare state and whether such a state needs such innovations at all.* ***Purpose:*** *based on the study into the evolution of the welfare state, various approaches to defining its concept, scope, and content, the paper attempts to answer the question of whether the modern welfare state needs digitalization in its various manifestations.* ***Methods:*** *the methodology of the research is based on the authors' scientific constitutional-legal theories of the welfare state and the state's welfarism, the administrative-legal theory of public administration deviance studies, as well as on the basic scientific concept of forecasting the future in law and a complex scalable multimodal array of tools used in predictive legal analytics.* ***Results:*** *the researched scientific sources, materials, and regulations suggest that successful development and existence of a modern welfare state is impossible without digitalization. The task of any modern welfare state is to minimize digital risks to state welfarism.* ***Conclusions:*** *the research undertaken shows the impossibility of abandoning the social function of the state and its constitutional basis – the welfare state. The task of digitalization in relation to a welfare state lies in proposing digital solutions that reduce the risks associated with the distribution of various benefits, with abuse of budgetary funds intended for social purposes, their misuse, as well as make the state's social policy reasonable and rational.*

Keywords: state's welfarism; welfare state; digitalization; Russia's Constitution; poverty; indigence; blockchain

Введение

Каково будущее социального государства?
Этот вопрос сегодня приобрел
беспрецедентную актуальность.
Деннис Дж. Сноуэр [28]

Сегодня социальность государства стала привычной и кажущейся уже неотъемлемой чертой современного правового демократического государства, это своего рода общемировая государственная идентичность.

Гёста Эспинг-Андерсен еще более 30 лет назад писал: развитое государство всеобщего благосостояния – социальное государство, ставшее одной из отличительных черт «золотого века» послевоенного процветания, – подразумевало, как концепт, нечто большее, чем простое усовершенствование существующей социальной политики в развитых индустриальных странах. В самом широком смысле концепт социального государства представлял собой попытку экономической, моральной и политической реконструкции. В экономическом плане концепт социального государства отходил от ортодоксальных представлений о чисто рыночных отношениях и требовал расширения гарантий дохода и занятости как права гражданства. Но существующие структурные сдвиги бросают вызов традиционному мышлению в области социальной политики. Хронически высокий уровень безработицы в Европе, как и рост неравенства и бедности в Северной Америке, является симптомом того,

benefits, with abuse of budgetary funds intended for social purposes, their misuse, as well as make the state's social policy reasonable and rational.

Keywords: state's welfarism; welfare state; digitalization; Russia's Constitution; poverty; indigence; blockchain

Information in Russian

Будущее социальности государства и социального государства в контексте цифровизации

Е. В. Аристов
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
E-mail: welfarestate1@gmail.com

И. В. Понкин
Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: i7@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 02.03.2025

Введение: *наличие в Конституции Российской Федерации и конституционном законодательстве зарубежных стран норм о социальном государстве и социальности государства позволяет сделать вывод об идеальном направлении государственной политики в данной сфере. Развитие различных информационных технологий в современном мире, безусловно, оказывает сейчас и окажет в будущем воздействие на все направления государственной политики. Поэтому важно понимать, каким образом данная новизна будет влиять на концепт социального государства, нужна ли она ему вообще.* ***Цель:*** *на основании изучения эволюции социального государства, различных подходов к определению его концепции, объема и содержания попытаться ответить на вопрос о том, нужна ли современному социальному государству цифровизация в различных ее проявлениях.* ***Методы:*** *методология исследования основана на авторских научно-правоведческих конституционно-правовых теориях социального государства и социальности государства, административно-правоведческой административно-правовой теории девиантологии государственного управления, а также базового научного концепта прогнозирования будущего в праве и комплексного масштабируемого и мультимодального инструментария предиктивной правовой аналитики.* ***Результаты:*** *рассмотренные научные материалы, нормативные акты позволяют говорить о том, что без цифровизации успешное развитие и существование современного социального государства невозможно. Задача любого современного социального государства состоит в минимизации влияния цифровых рисков на социальность государства.* ***Выводы:*** *проведенное исследование свидетельствует о невозможности отказа от социальной функции государства и основы его конституционного строя – социального государства. Задача цифровизации в рамках взаимоотношения с социальным государством состоит в предложении цифровых решений, позволяющих снизить риски в распределении различных благ, злоупотреблений в обращении с бюджетными средствами социального назначения и их нецелевого использования, сделать социальную политику государства рациональной.*

Ключевые слова: социальность государства; социальное государство; цифровизация; Конституция России; бедность; нищета; блокчейн

Introduction

What is the future of the Welfare State?
This question has now acquired
an unprecedented urgency.
Dennis J. Snower *[28].*

Today, the welfarism of the state has become a seemingly integral feature of a modern rule-of-law democratic state, a kind of a global state identity.

As Gøsta Esping-Andersen put it more than 30 years ago, the advanced welfare state, which became one of the hallmarks of the 'Golden Age' of post-war prosperity, implied more than a mere upgrading of existing social policies in the developed industrial world. In the broadest of terms, the welfare state concept represented an effort to bring about economic, moral and political reconstruction. Economically, it departed from the orthodoxies of the pure market nexus and required the extension of income and employment security as a right of citizenship. But the existing structural shifts challenge traditional social policy thinking. Chronically high unemployment in Europe, like rising inequality and poverty in North America, is a symptom

что многие считают основной дилеммой в современных открытых экономиках: базовый компромисс между ростом занятости и щедрой эгалитарной социальной защитой. Большие социальные взносы и налоги, высокие и жесткие зарплаты и широкие права на трудоустройство делают наем дополнительных работников непомерно дорогим, а рынок труда – слишком негибким. В моральном плане концепт социального государства стремился защитить идеи социальной справедливости, солидарности и универсализма. Однако в современных глобально интегрированных открытых экономиках многие предположения, которыми руководствовались послевоенные государства всеобщего благосостояния в развитых индустриальных странах, похоже, уже не работают [12]. Европейские социальные государства всё чаще сталкиваются с серьезными проблемами реструктуризации занятости в связи с глобализацией и технико-логическими изменениями [11].

Несмотря на то что обеспечение долгосрочной устойчивости национальных систем социального обеспечения включено в створ видения в стратегическом планировании в рамках государственного управления большинства государств мира, тотально и перманентно уже несколько лет происходящие трансформации мировых порядков – что бы мы ни подразумевали под этим понятием и сколько бы мы их ни насчитывали в разных исследовательских системах координат, включая явно выраженные тенденции демондиализации (деглобализации и контрглобализации) и делиберализации, а также всё большее артикулирование «права сильного» на фоне мирового предельного финансового напряжения, – актуализируют значительное множество трудноразрешимых и пока малопонятных вопросов, в числе которых – будущее судьбы социальности государства.

Эволюция социальности государства и собственно социального государства осуществляется в весьма сложных социально-экономическом и правовом контекстах, едва ли заслуживающих атрибутирования им характеристики «благоприятный».

Позиции относительно будущего социального государства, например к 2050 году, сильно разнятся, при этом отчасти сводимы к пессимистическому сценарию недоверия, неплохо описанному Гунтрамом Вольфом и Пиа Хюттль [33]. Государство всеобщего благосостояния, согласно Элуа Лорану, предлагает адекватный ответ как на ужесточение глобализации, так и, полагаем, на ужесточение деглобализации [20]. Но всё это в условиях усложнения права само по себе приобретает всё более и более сложный и, как следствие, трудно прогнозируемый в динамике развития характер [2].

В любом случае дискуссии об устойчивости социального государства обретают ныне высшую степень актуальности, стяжают всё больше и больше внимания не только заинтересованных и референтных специалистов, но политиков.

Цифровизация (диджитализация) относится к процессу, в ходе которого субъект принимает или, наоборот, расширяет использование цифровых/компьютерных технологий (также мобильных приложений). Чаще всего цифровые технологии внедряются с целью создания коммуникационной инфраструктуры, которая связывает разные виды деятельности в рамках различных процессов субъекта. Цифровизация и цифровая трансформация – два наиболее полезных/значимых термина для объяснения изменений и влияния, которое цифровые технологии оказали на общество в целом [19]. И всё это тоже весьма существенно влияет на будущее социального государства, предопределяет его.

Этим вопросам в глубоком и многостороннем предиктивном (прогностическом) конституционно-правоведческом осмыслении и изложении и посвящена настоящая статья.

Методология исследований, лишь частично положенных в своей резолютивной части в настоящую статью, основана:

– на авторской научно-правоведческой конституционно-правовой теории социального государства и социальности государства одного из авторов настоящей статьи (Е. В. Аристова) и его же базового научного концепта прогнозирования будущего в праве, раскрытых в соответствующих его публикациях;

– авторской научно-правоведческой административно-правовой и конституционно-правовой теории девиантологии государственного управления другого автора настоящей статьи (И. В. Понкина), его же авторского концепта цифрового государства и его же комплексного масштабируемого и мультимодального инструментария предиктивной правовой аналитики, раскрытых в соответствующих его публикациях.

Общее понятие социального государства

Государство всеобщего благосостояния – самый эффективный институт, созданный за всю долгую историю человеческого сотрудничества. Отказ от социальности государства в результате следования близоруким идеологическим предрассудкам лишит нас нашего самого полезного общего блага и парализует саму суть нашего социального процветания.
Элуа Лоран [20]

Термин «социальное государство», согласно Джонатану МакКалли, – это общий и иногда спорный термин, используемый для описания политики, программ и практики, направленных на обеспечение социальной защиты людей. Это один из основных аспектов современного правительства, и в конечном итоге он направлен на благо каждого члена общества. Дезинформация, мифы и недоразумения, связанные с этим термином, привели к тому, что он стал применяться в узком смысле для описания тех аспектов социальной защиты, которые вызывают политические споры и пользуются наименьшей популярностью (например, «подачки», «иждивенчество», «дотации» и т. д.). В действительности она

of what many believe is the underlying dilemma in today's open economies: a basic trade-off between employment growth and generous egalitarian social protection. Heavy social contributions and taxes, high and rigid wages, and extensive job rights make the hiring of additional workers prohibitively costly and the labor market too inflexible. Morally, the welfare state concept sought to defend the ideas of social justice, solidarity and universalism. In today's globally integrated open economies, however, many of the assumptions that guided post-war welfare states in the advanced industrial world seem no longer to obtain [12]. European welfare states are increasingly facing serious problems of employment restructuring due to globalization and technological changes [11].

In most countries of the world, when it comes to strategic planning in public administration, particular attention is given to ensuring the long-term sustainability of national social security systems. However, the total permanent transformations of world orders that have been taking place over several years (regardless of what we mean under such transformations and of how many of these we can count in different research coordinate systems, including the pronounced trends of de-mondialization (de-globalization and counter-globalization) and deliberation, as well as the increasing articulation of the 'right of the strongest' against the background of the world's extreme financial tension) objectively put before us a significant number of issues that are difficult to resolve and still poorly understood, including the future fate of state welfarism.

The evolution of the state's welfarism and the welfare state is carried out in rather complex socio-economic and legal contexts that can hardly be characterized as 'favorable'.

The positions regarding the future of the welfare state by, for example, 2050 vary greatly. They are partly reducible to the pessimistic scenario of distrust, which was well described by Guntram Wolff and Pia Hüttl [33]. According to Éloi Laurent, the welfare state offers an adequate response both to the intensification of globalization, and, as we also believe, to the intensification of deglobalization [20]. But in the context of the increasing complexity of law, all this is becoming more and more complex and, as a result, difficult to predict in its dynamics of development [2].

In any case, discussions about the sustainability of the welfare state are now gaining the highest degree of relevance, while getting more and more attention not only from interested and reference specialists but also from politicians.

Digitalization is the process in the course of which a subject adopts or, conversely, expands the use of digital/computer technologies (including mobile applications). Most often, digital technologies are introduced in order to create a communication infrastructure that connects various types of activities within various processes related to the subject. Digitalization and digital transformation are two of the most useful/meaningful terms to explain the changes and the impact that digital technologies have had on society as a whole [19]. All this also has a very significant impact on the future of the welfare state and predetermines it.

The article discusses these issues providing a deep and multifaceted predictive (prognostic) constitutional-and-legal perspective.

The methodology of the studies partially included into the article in their substantive provisions is based on:

– the author's scientific and legal-constitutional theory of the welfare state and state welfarism developed by one of the authors of this article (E. . Aristov) and his basic scientific concept of forecasting the future in law described in his relevant publications;

– the author's scientific-legal, administrative-legal, and constitutional-legal theory of deviantology of public administration developed by the other author of this article (I. V. Ponkin), his concept of the digital state, and his complex scalable and multimodal set of tools for predictive legal analytics described, presented in his relevant publications.

The General Concept of a Welfare State

A welfare state is the most effective institution created in the long history of human cooperation. The rejection of state welfarism in consequence of following the short-sighted ideological prejudices deprives us of our most useful common good and paralyzes the very essence of our social prosperity.
Éloi Laurent [20]

The 'welfare state', according to Jonathan McCully, is a common and sometimes controversial term used to describe policies, programs, and practices aimed at providing social protection to people. It is one of the main aspects of modern government, and ultimately it serves for the benefit of every member of the society. Misinformation, myths and misunderstandings associated with this term have led to its being used in a narrow sense to describe those aspects of social protection that cause political controversy and are least popular (for example, 'handouts', 'parasitism', 'subsidies', etc.). In fact,

включает в себя широкий спектр мероприятий и мер, составляющих «сеть социальной защиты», которая позволяет всем людям пользоваться минимальными стандартами здоровья, социального благополучия и экономической безопасности [22].

Многими исследователями социального государства справедливо признается, что классическое (при этом достаточно релевантное, концептоемкое) определение социального государства было впервые дано в 1961 году уже упоминавшимся нами выше британским социальным историком Эйзой Бриггсом и звучало оно так (считаем обоснованным привести достаточно обширную цитату из этого классика):

«Социальное государство – это государство, в котором организованная власть целенаправленно задействуется (через политику и административный ресурс) в стремлении влиять на игру рыночных сил, по крайней мере, в трёх направлениях – во-первых, гарантируя отдельным людям и семьям минимальный доход независимо от рыночной стоимости их труда или их собственности; во-вторых, сужая степень незащищённости, позволяя отдельным людям и семьям преодолевать определённые “социальные непредвиденные обстоятельства” (например, болезнь, старость и безработицу), которые в противном случае приводят к индивидуальным и семейным кризисам; и в-третьих, обеспечивая всем гражданам без различия статуса или класса наилучшие стандарты, доступные в отношении определенного согласованного набора социальных услуг. Первая и вторая из этих целей могут быть достигнуты, по крайней мере частично, с помощью того, что раньше называлось “государством социального обслуживания”, – государства, в котором общественные ресурсы используются для борьбы с бедностью и помощи тем, кто попал в беду. Третья цель, однако, выходит за рамки целей “государства социального обслуживания”. Она привносит идею “оптимума”, а не старую идею “минимума”. Она связана не просто с уменьшением классовых различий или удовлетворением нужд отдельных групп населения, а с равенством обращения и чаяниями граждан как избирателей, обладающих равной долей избирательной власти. Простое определение лексической конструкции “социальное государство” таким образом указывает на ряд исторических соображений. Во-первых, концепция “рыночных сил” вписывает проблемы “социального государства” (и социальности государства) в контекст эпохи современной политической экономии. Во-вторых, на концепцию “социальных случайностей” сильно повлиял опыт индустриализма. Болезни, старость и смерть влекут за собой тяготы в любом обществе… Однако безработица, по крайней мере в той форме, в которой она мыслится как социальная случайность, является продуктом индустриальных обществ, и именно безработица, как никакая другая социальная случайность, определила форму и время действия современного законодательства о социальности… В-третьих, идея использования организованной власти (через политику и административный ресурс) для определения структуры социального обеспечения требует тщательной исторической датировки. Возможность использования государственной власти в каждой стране зависит от баланса экономических и социальных сил; оценки надлежащих функций и, правда или нет, имеющихся ресурсов государства; эффективных методов влияния и контроля, опирающихся на знания (в том числе экспертные); и, не в последнюю очередь, от распространённости (или отсутствия) убеждения, что общество может быть сформировано с помощью сознательной политики, направленной на устранение злоупотреблений, которые в предыдущих поколениях принимались как “неизбежные” черты человеческого состояния» [7].

И едва ли можно согласиться с оценкой Хейкки Эрвасти, Йоргена Гоула Андерсена и Кристена Рингдала, что, при соответствии современным исследовательским интересам, это определение Эйзы Бриггса «довольно устарело» [11]. Основной концепт социальности государства вполне остался сходным с этой интерпретацией.

Впрочем, сегодня понятие, цели или структура социального государства не поддаются конкретному универсальному всеобъемлющему определению. Однако его основная цель – помочь правительствам примирить часто конкурирующие и даже контроверсивные динамические онтологии рыночной экономики, справедливости и демократии [5]. Множество определений в рамках многочисленных моделей понимания и правовой интерпретации социальности государства и социального государства детализированно приведено и прокомментировано в трудах одного из авторов настоящей статьи. И это можно считать вполне надежным теоретическим базисом для продолжения наших изысканий в рамках настоящей статьи.

История вопроса: некоторые ремарки

Если мы о чём-нибудь не знаем, как оно образовалось, то и не понимаем его.
Август Шлейхер [2]

Словосочетание «социальное государство» (иначе – государство всеобщего благоденствия, государство всеобщего благоденствия, в разных интерпретациях; англ. *welfare state*; фр. *État providence*) появилось, как отмечает Эйза Бриггс, в 1940-е годы. Впервые оно было использовано для описания лейбористской Великобритании после 1945 года. Из Британии фраза распространилась по всему миру. Его свободно использовали, как правило, не только политики и журналисты, по отношению к различным обществам, находящимся на разных этапах развития. Историки почти сразу же взяли фразу на вооружение. Были даже предприняты попытки переписать историю XIX и XX веков, особенно британскую, в терминах

it includes a wide range of activities and measures that make up the ‘social safety net’ which allows all people to enjoy minimum standards of health, social well-being and economic security [22].

Many researchers of the welfare state are right to believe that the classical (at the same time, quite relevant, conceptually capacious) definition of the welfare state was first given in 1961 by the British social historian Asa Briggs, already mentioned above; it sounded as follows (we consider it reasonable to cite a fairly extensive quote coming from the classic):

‘A welfare state is a state in which organized power is deliberately used (through politics and administration) in an effort to modify the play of market forces in at least three directions— first, by guaranteeing individuals and families a minimum income irrespective of the market value of their work or their property; second, by narrowing the extent of insecurity by enabling individuals and families to meet certain ‘social contingencies’ (for example, sickness, old age and unemployment) which lead otherwise to individual and family crises; and third, by ensuring that all citizens without distinction of status or class are offered the best standards available in relation to a certain agreed range of social services. The first and second of these objects may be accomplished, in part at least, by what used to be called a ‘social service state’, a state in which communal resources are employed to abate poverty and to assist those in distress. The third objective, however, goes beyond the aims of a ‘social service state’. It brings in the idea of the ‘optimum’ rather than the older idea of the ‘minimum’. It is concerned not merely with abatement of class differences or meeting the needs of certain groups but with equality of treatment and the aspirations of citizens as voters with equal shares of electoral power. Thus, the definition of the phrase ‘welfare state’ points to a number of historical considerations. First, the conception of ‘market forces’ sets the problems of the ‘welfare state’ (and of ‘welfare’) within the context of the age of modern political economy. Second, the conception of ‘social contingencies’ is strongly influenced by the experience of industrialism. Sickness, old age and death entail hardships in any kind of society... Unemployment, however, at least in the form in which it is thought of as a social contingency, is a product of industrial societies, and it is unemployment more than any other social contingency which has determined the shape and timing of modern ‘welfare’ legislation... Third, the idea of using organized power (through politics and administration) to determine the pattern of welfare services requires careful historical dating. The possibility of using governmental power has been related in each country to the balance of economic and social forces; estimates of the proper functions and, true or false, of the available resources of the state; effective techniques of influence and control, resting on knowledge (including expert knowledge); and, not least, the prevalence (or absence) of the conviction that societies can be shaped by conscious policies designed to eliminate abuses which in earlier generations had been accepted as ‘inevitable’ features of the human condition’ [7].

And one can hardly agree with the assessment given by Heikki Ervasti, Jorgen Goul Andersen and Kristen Ringdal that, in accordance with modern research interests, this definition of Asa Briggs is ‘quite outdated’ [11]. The basic concept of the sociality of the state has remained consistent with this interpretation.

At the same time, today the concept, goals or structure of a welfare state cannot be defined in a specific universal comprehensive way. However, its main goal is to help the governments to reconcile the often competing and even contradictory dynamic ontologies of the market economy, justice, and democracy [5]. Many definitions included within the numerous models of state welfarism / welfare state understanding and legal interpretation are given in detail and commented on in the works of one of the authors of this article. This can be considered a completely reliable theoretical basis for continuing our research in this article.

Background: Some Remarks

If we do not know how something was formed, we will not understand it.
August Schleicher [2].

As Asa Briggs notes, the word combination ‘welfare state’ (otherwise known as the state of universal prosperity in various interpretations; *État providence* in French) appeared in the 1940s. It was first used to describe Britain after 1945. From Britain, the phrase spread all over the world. As a rule, it was freely used in relation to various societies at different stages of development but not only by politicians and journalists. Historians almost immediately adopted the phrase. Attempts have even been made to rewrite the history of the 19th and 20th centuries, especially the British one, in terms

«возникновения» и «развития» социального государства [7, p. 221].

Государство всеобщего благосостояния в том виде, в котором мы его знаем, указывают Энтони Ларссон и Робин Тейгланд, существует уже около 100–150 лет. Хотя некоторые авторы утверждают, что первое государство всеобщего благосостояния появилось в исламском халифате при Умаре (584–644), в современной концепции оно существовало лишь в конце XIX века в имперской Германии (1871–1918) при канцлере Отто фон Бисмарке, когда он создал законодательство о социальном обеспечении, распространившее привилегии некоторых знатных социальных слоев на простых немцев [11, p. 1].

Как раз в немецкой историографии и артикулируется, что рождение концепта социального государства в конце XIX века совпало с принятием закона о несчастных случаях на производстве в качестве уступки, предоставленной канцлером Бисмарком немецкой рабочей силе, искушаемой коммунизмом [20, p. 20]. Французы приведут свои даты и сюжеты, итальянцы – свои. Приблизительно в конце XIX века начался виток активной трансформации государственного строительства в сторону установления и повышения социальности. При этом государства всеобщего благосостояния в Европе не были результатом грандиозного плана, а возникли постепенно благодаря множеству законов и постановлений, как мелких, так и крупных, которые способствовали повышению благосостояния населения [11, p. 8].

Эволюция социального государства – не линейная и не размеренно-последовательная, но сопряженная на своих траекториях со множеством конфликтов и потенциальных петель гистерезиса

Будущее государства всеобщего благосостояния зависит от множества социально-экономических, политических, культурных факторов.

В любых экономических условиях политика социальности государства, как пишут Хейкки Эрвасти, Йорген Гоул Андерсен и Кристен Рингдал, должна опираться на отношение, предпочтения и готовность обычных людей поддерживать механизмы социального обеспечения. Помимо того что поддержка социального государства зависит от времени и пространства, она всё чаще признается многомерной. Это не просто вопрос «за» или «против» социального государства, и поэтому надлежит говорить о различных его аспектах и о множестве таких. Вот лишь некоторые из них: существуют различные области политики; есть вопросы масштаба и дизайна систем социального обеспечения; есть вопросы их эффективности. Существуют даже позитивные и негативные аспекты отношения к политике благосостояния. Всё это означает, что изучение отношения к государству благосостояния должно включать в себя как восприятие коллективных проблем политики, так и восприятие индивидуальных рисков, поскольку они составляют часть фундамента, на котором формируется отношение [11, p. 2].

Считается, что социальное государство (иначе – государство всеобщего благосостояния) неоднократно переживало кризис с тех пор, как оно было названо золотым периодом своего развития с 1960 года до первого нефтяного кризиса в начале 1970-х годов. Социальные государства были перекалиброваны, перестроены, демонтированы, реструктурированы – и многие другие слова использовались для описания различных типов изменений в том, что и как государства благосостояния финансируют и предоставляют социальные услуги в натуральной и денежной форме. То, как менялся и постоянно меняется баланс между государством, рынком и гражданским обществом, также постоянно остается открытым для изучения. Однако кажется, что, с одной стороны, многочисленные и разнообразные постепенные изменения в государствах благосостояния следуют историческому пути (например, существует определенная зависимость от пути), а с другой стороны – государства благосостояния меняются таким образом, что они уже не являются тем же типом и моделью, что были раньше [15, p. 525].

В наше время существенно усилились доходящие до конфликтов рассогласованности между социальным обеспечением и справедливым социальным перераспределением, а также обострилась проблема неэффективности социальных расходов. Недавнее обнародование Илоном Маском сведений о злоупотреблениях в североамериканской системе социального страхования (когда выявились расходы на многие и многие миллионы людей, якобы в возрасте далеко за 120 лет), шутка это была или нет, отражает реалии, когда социальное обеспечение не позволяет законопослушным гражданам вырваться из нищеты, но зато на злоупотреблениях преступниками легко поднимаются немалые суммы. В это поле вполне укладываются недавние возбуждённые уголовные дела по поводу «аттракциона неслыханной щедрости» с незаконной раздачей квартир в подарок в одном из городов Московской области.

Немало говорится о том, что социальность государства тормозит экономическое развитие страны. Впрочем, по словам Элуа Лорана, научные исследования в области экономики не подтверждают идею о том, что государство всеобщего благосостояния наносит ущерб экономической эффективности, оказывая серьезное дестимулирующее воздействие на работу, накопление капитала и производство [20].

Переосмысление и более сфокусированная кристаллизация понимания того, кто заслуживает и кто не заслуживает различных видов и типов пособий, каковы границы усмотрения чиновника в этих вопросах, кого именно мы хотим социально простимулировать и поддержать в нашей стране – наши народы России или неограниченный круг «пришлого кого угодно», крайне важны сегодня, от этого будет зависеть та

of the 'emergence' and 'development' of the welfare state [7, p. 221].

As noted by Anthony Larsson and Robin Teigland, the welfare state as we know it today has existed for about 100-150 years. Although some authors claim that the first welfare state appeared in the Islamic caliphate under Umar (584-644), it existed in its modern concept only at the end of the 19th century in Imperial Germany (1871-1918) under Chancellor Otto von Bismarck, when he developed legislation on social support that extended the privileges of certain noble social strata to ordinary Germans [11, p. 1]

German historiography states that the birth of the welfare state concept at the end of the 19th century coincided with the adoption of the occupational accidents law as a concession provided by Chancellor Bismarck to the German workforce tempted by communism [20, p. 20]. The French would provide their dates and events, while the Italians would provide theirs. Around the end of the 19th century, there was a turn of the active transformation of the state building toward establishing and increasing welfarism. Noteworthy is that welfare states in Europe did not result from a grandiose plan but arose gradually from multiple laws and regulations, both minor and considerable, these contributing to improving the well-being of the population [11, p. 8].

The evolution of the welfare state is neither linear nor successive but is associated with many conflicts and potential hysteresis loops along its trajectories

The future of the welfare state depends on many socio-economic, political, and cultural factors.

According to Heikki Ervasti, Jorgen Goul Andersen and Kristen Ringdal, in any economic environment, the state's policy of welfarism should be based on the attitudes, preferences, and willingness of ordinary people to support social protection mechanisms. In addition to the fact that the support of the welfare state depends on time and space, it is increasingly recognized as multidimensional. This is not just a question of the welfare state 'pros and cons', and therefore it is necessary to talk about its various aspects and about a multitude of such. Here are just a few: there are different policy areas; there are issues of the social protection systems scale and design; there are issues related to their effectiveness. There are even positive and negative aspects of attitudes towards welfare policy. All this means that the study of attitudes towards the welfare state should include both the perception of collective policy issues and the perception of individual risks, since they make up a part of the foundation on which attitudes are formed [11, p. 2].

It is believed that the welfare state (otherwise known as the state of universal prosperity) has repeatedly experienced crises since what was called the golden period of its development from 1960 to the first oil crisis in the early 1970s. Welfare states have been recalibrated, rebuilt, dismantled, restructured; many other words have been used to describe various types of changes in what and how welfare states finance and provide social services in kind and in cash. How the balance between the state, the market, and civil society has changed and continues to constantly change is the issue constantly open to study. However, it seems that numerous and diverse gradual changes in welfare states, on the one hand, follow a historical path (for example, there is a certain dependence on the path), and on the other hand, welfare states are changing in such a way that they are no longer the same type and model as they were before [15, p. 525].

In our time, the inconsistencies between social protection and equitable social redistribution have significantly increased, this resulting in conflicts, and the problem of inefficient social spending has worsened. The recent disclosure by Elon Musk of information about abuses in the North American social insurance system (when expenses for many and many millions of people, allegedly aged over 120 years, were revealed), whether it was a joke or not, reflects the realities when social protection does not allow law-abiding citizens to get out of indigence while considerable sums are easily being earned by criminals from their abusive practices. The recent criminal cases initiated regarding the 'motorcade of generosity' with the illegal provision of apartments in one of the cities of the Moscow region fit well into this context.

There is a lot of talk about state welfarism as slowing down the country's economic development. However, according to Éloi Laurent, scientific research in the field of economics does not prove that the welfare state affects economic efficiency by representing a serious disincentive for work, capital accumulation and production [20].

Reinterpretation and more focused crystallization of the understanding of who deserves and who does not deserve different types and kinds of benefits, of what the limits are for officials' discretion in these matters, of who exactly we want to socially stimulate and support in our country (our peoples of Russia or an unlimited circle of 'alien whoever') are extremely important today. This will settle the model of such

модель социального государства в России, куда эволюционно-конвертирующе движется текущая, вполне себе аморфная и мало кого устраивающая, модель социального государства (вспомним хотя бы задачи, ставящиеся Президентом России по снижению масштабов бедствия под названием «бедность» в нашей стране). Тем более это важно в условиях старения населения – неблагоприятных ожидаемых демографических изменений, когда число пожилых людей возрастает в сравнении с теми, кто активен на рынке труда.

Социальность государства – это не только раздача денег объективно остро нуждающимся, это и более широкий взгляд на социальность. Элой Лоран приводит дату 1306 года, когда король Англии Эдуард I попытался запретить использование угля в Лондоне по соображениям безопасности для здоровья из-за густого облака сернистого загрязнения, окутавшего город [20].

Если мы будем рассматривать аттрактивным центром социальности государства человечное отношение и заботу государства о человеке, то мы сможем лучше – на более далекие отложенные горизонты событий и более достоверно – увидеть будущее социальности государства.

Но и в этом случае мы сталкиваемся со множеством контроверсий (противоречий, противодействий) самых разных гипотез.

Согласно Мигелю Глатцеру и Дитриху Рюсшемейеру, дискуссия о глобализации и будущем государств всеобщего благосостояния формируется двумя широкими конкурирующими гипотезами, которые были названы гипотезами эффективности и гипотезами компенсации. Действительно ли эти конкурирующие утверждения противоречат друг другу или же они могут быть совместимы друг с другом, справедливы при одних, а не при других условиях? Чтобы начать отвечать на этот вопрос, полезно рассмотреть причинные механизмы – более конкретные гипотезы, на которые претендует каждая из основных гипотез. Гипотеза компенсации указывает на дислокации и напряженность, возникающие в результате участия в рынке, который не подвластен большинству национальных правительств. Однако помимо указания на политику как на вероятный ответ на вывихи, напряжённость и конфликты, эта точка зрения оставляет открытым вопрос о том, как проблемы предвидятся или становятся политически заметными после их возникновения; насколько сильны политические силы, реагирующие на них; какая политика будет предложена, принята и реализована; и даже будут ли какие-либо ответы. Гипотеза эффективности утверждает, что экономическая глобализация оказывает сильное понижательное давление на политику социального обеспечения посредством различных механизмов. Первый аргумент, как уже упоминалось, заключается в том, что торговая конкуренция оказывает давление на социальные расходы, которые увеличивают затраты и делают продукцию менее конкурентоспособной на международных рынках. Снижение транспортных расходов и распространение технологий привели к появлению низкооплачиваемых конкурентов в развивающихся странах. Таким образом, глобализация запускает нисходящие спирали социального обеспечения, поскольку страны конкурируют друг с другом не за счет повышения квалификации и развития инфраструктуры (что требует времени и ресурсов), а за счет снижения налоговых ставок и социальных льгот [14].

Глобализация, личные риски и потребности – факторы, влияющие на социальное государство

У граждан есть разные причины поддерживать всеобъемлющие механизмы государственного благосостояния, однако можно выявить некоторые устойчивые закономерности. Одна из составляющих системного элемента поддержки государства всеобщего благосостояния связана с тем, получают ли люди в первую очередь выгоду от финансирования государственного социального обеспечения или вносят в него свой вклад, причем особенно активно поддерживают государственное социальное обеспечение работники с низким уровнем дохода и низкой квалификацией. Большое количество исследований подтверждает это в отношении поддержки государственного перераспределения доходов [10].

В последних исследованиях внимание было перенесено с важности предшествующей экономической ситуации на важность убеждений относительно изменений в доходах. В соответствии с этим объективный риск потери дохода, по-видимому, определяет предпочтения в отношении государственного перераспределения доходов [25]. В одном из разделов этих источников подчеркивается, что убеждения об увеличении доходов заставляют некоторых нынешних бенефициаров общих механизмов социального обеспечения менее активно поддерживать эти механизмы, поскольку они ожидают, что в будущем станут чистыми вкладчиками, и/или рассматривают широкую деятельность государства как препятствие для собственной мобильности [3]. Это свидетельствует о том, как объективные и воспринимаемые риски потери будущих доходов связаны с предпочтениями в отношении государства всеобщего благосостояния. Мы дополняем данные знания, выходя за рамки предпочтений в отношении перераспределения и исследуя, как объективные и субъективные риски потери дохода связаны с предпочтениями в отношении масштабов государства всеобщего благосостояния и дизайна. Выходя за рамки предпочтений в отношении перераспределения, мы фиксируем, как риски влияют на предпочтения в отношении социального страхования, исследуем дизайн, чтобы выяснить, будут ли люди, подверженные риску, с большей вероятностью требовать прогрессивного дизайна социальных пособий, а также подоходного налогообложения.

Russia's welfare state that will be a reference point for the current model of the evolutionarily and conversely progressing welfare state, quite amorphous and hardly satisfying (let us at least get back to the tasks set by the President of Russia on reducing the scale of the poverty disaster in our country). This is all the more important in the context of an aging population – unfavorable expected demographic changes, when the number of elderly people increases in comparison with those who are active in the labor market.

The welfarism of the state is not only giving money to those who are objectively in dire need, it is also a broader view on sociality. According to Éloi Laurent, it happened as early as in 1306 that King Edward I of England tried to ban the use of coal in London for health safety reasons due to the thick cloud of polluting sulfur that enveloped the city [20].

If we consider the state's humane attitude and concern for people to be the center of state welfarism, we will be able to gain a better understanding of the future of state welfarism, to see it more clearly and from the perspective of more distant horizons of events.

But even in this case, we come across many counter versions (contradictions, counteractions) of a wide variety of hypotheses.

According to Miguel Glatzer and Dietrich Rueschemeyer, the discussion about globalization and the future of welfare states is shaped by two broad competing hypotheses which have been called efficiency hypotheses and compensation hypotheses. Do these competing statements really contradict each other, or can they be compatible with each other, valid under some conditions and not under other conditions? To begin answering this question, it is useful to consider causal mechanisms – more specific hypotheses that each of the main hypotheses claims. The compensation hypothesis points to the dislocations and tensions resulting from participation in a market that is beyond the control of most national governments. However, apart from mentioning politics as a likely response to dislocations, tensions, and conflicts, this view leaves the following questions open: how problems are anticipated or made politically visible after they arise; how strong the political forces are that respond to the problems; which policies will be proposed, adopted, and implemented; whether there will be any responses at all. The efficiency hypothesis states that economic globalization exerts strong downward pressure on social protection policies through various mechanisms. The first argument, as already mentioned, is that trade competition puts pressure on social spending which increase costs and make products less competitive in international markets. Lower transportation costs and the spread of technology have resulted in low-paid competitors in developing countries. Thus, globalization triggers downward spirals of social protection, since the countries compete with each other not by improving skills and developing infrastructure (which, after all, requires time and resources), but by reducing tax rates and social benefits [14].

Globalization, Personal Risks and Needs as the Factors Influencing the Welfare State

There are various reasons for citizens to support universal mechanisms of state welfare, but some consistent patterns can be identified. One of the components of the systemic element of the welfare state's support is related to whether people primarily benefit from or contribute to the financing of the state social protection, with low-income and low-skilled workers particularly actively supporting the social protection provided by the state. Many studies confirm the support of the income redistribution by the state [10].

Recent studies have shifted attention from the importance of the previous economic situation to the importance of beliefs about changes in income. In accordance with this, the objective risk of income loss seems to determine preferences for state income redistribution [25]. It is emphasized in one of the sections in these sources that the expectations of increasing incomes make some current beneficiaries of general social protection mechanisms be less active in supporting these mechanisms, because they expect to become pure investors in the future and/or view widespread government activity as an obstacle to their own mobility [3]. This shows how the objective and perceived risks of losing future income are related to preferences regarding the welfare state. We complement this knowledge by going beyond preferences on redistribution, and by exploring how objective and subjective risks of income loss relate to preferences associated with the welfare state scale and design. By going beyond preferences on redistribution, we capture how risks affect preferences on social insurance. We are researching the design to find out if people at risk will be more likely to claim progressive design of social benefits and income taxes.

Нам неизвестно ни одного исследования, посвященного последнему, и мы считаем это важным, учитывая, что разработка программ ближе к реальным политическим дискуссиям, чем более абстрактные вопросы объема перераспределения доходов, которые чаще всего использовались в предыдущих исследованиях. На самом деле, в ряде европейских стран правительства усиливают страховой принцип социальных пособий [9]. Мы считаем правдоподобным, что характеристики на уровне страны будут влиять на предпочтения граждан в отношении государства всеобщего благосостояния, а также потенциально оказывать воздействие на личный риск и на предпочтения. В частности, предполагаем, что влияние личного риска может зависеть от ВВП на душу населения и уровня неравенства доходов: личный риск будет иметь большее значение для предпочтений в отношении дизайна и масштабов в более бедных странах и странах с более высоким уровнем неравенства доходов просто потому, что последствия потери дохода потенциально более суровы. Для учета эффектов как на уровне страны, так и на уровне индивида мы используем многоуровневые модели, основанные на данных Европейского социального исследования 2008 года.

Социально-экономическое положение человека имеет важное значение для его предпочтений в отношении общественного благосостояния. Большое количество исследований показало, что преобладающая экономическая ситуация, ситуация с занятостью и уровень/тип человеческого капитала являются важными детерминантами поддержки индивидом общественной ответственности в области экономического благосостояния [10]. В последнее время в сравнительных исследованиях стали отделять влияние преобладающей экономической ситуации и ситуации в сфере занятости от влияния объективных и субъективных переменных, измеряющих личные риски потери дохода. Преобладающая экономическая ситуация и ситуация в сфере занятости сильно коррелируют с личным риском потери дохода [10]. Однако теоретически они отличаются друг от друга. Если граждане заботятся исключительно о своем преобладающем доходе, мы должны ожидать идеальную взаимосвязь между доходом и предпочтениями в отношении общественного благосостояния. Бедные будут за, богатые – против. Если, что более разумно, люди также заботятся о будущей экономической ситуации, то некоторые небедные люди будут поддерживать меры общественного благосостояния, поскольку их будущая экономическая ситуация неопределенна [24]. Однако в какой степени люди не склонны к риску, способны оценивать риск потери будущих доходов и дисконтировать будущее и как риск потери доходов влияет на предпочтения, помимо требования «больше правительства», в значительной степени неизвестно.

В литературе, посвященной политической экономии, основное внимание уделяется объективным рискам потери дохода. Эти исследования начинаются с позиции рационального выбора, когда люди умеренно склонны к риску, понимают и заботятся о своих будущих доходах. Большая часть данных исследований включает разработку гипотез о предпочтениях государства благосостояния занятых людей, вытекающих из характеристик их занятости. Очевидно, что личные риски, имеющие отношение к предпочтениям государства благосостояния, зависят не только от профессии и ситуации занятости человека.

В социологических исследованиях иногда проводят различие между «старыми» и «новыми» социальными рисками, где первые ассоциируются с индустриальным обществом, а вторые – с рисками, связанными с переходом к постиндустриальному обществу (в частности, с изменениями в семейном укладе и более быстрыми технологическими изменениями, которые предполагают необходимость постоянного повышения квалификации работников) [30]. Хотя наш основной интерес заключается в важности риска потери дохода, связанного с работой, выбор нами контрольных переменных обусловлен исследованиями о новых социальных рисках.

В работе П. Рема представлен прекрасный обзор литературы, посвященной рискам, связанным с характеристиками занятости работников, где он проводит различие между аргументами и мерами, основанными на классификации отраслей и профессий [25]. Одно из направлений исследований подчеркивает риски, создаваемые экономикой, открытой для торговли. В труде, посвященном компенсациям в торговле, утверждается, что открытые экономики имеют большие государства благосостояния, поскольку работники требуют защиты доходов в качестве компенсации за уязвимость доходов, связанную с открытой экономикой [8; 26]. Таким образом, работники секторов, открытых для торговли, должны быть более благосклонны к общественному благосостоянию, чем работники защищенных секторов. Хотя гипотеза о компенсациях в торговле использовалась для объяснения того, почему страны с более открытой экономикой имеют более крупные государства благосостояния, эмпирические проверки гипотезы на индивидуальном уровне до недавнего времени игнорировались. П. Рем на основе кодов респондентов в промышленной классификации (NACE) в сочетании со статистикой рабочей силы ОЭСР определил, работают ли респонденты в секторе, открытом для торговли, и имеет ли этот сектор сравнительные преимущества [25]. Исходя из гипотезы о компенсации торговли, следует ожидать, что работники секторов, открытых для торговли, будут более благосклонны к государству всеобщего благосостояния. Однако П. Рем не нашел поддержки гипотезе о компенсациях в торговле [25]. Более того, он обнаружил, что ни одна из переменных, полученных из промышленной классификации, включая уровень безработицы отраслях, не влияет на предпочтения в отношении перераспределения.

We are not aware of any studies devoted to the latter, and we consider this fact important, given that program development is closer to real political discussions than the more abstract issues of income redistribution which were most often used in previous studies. In reality, governments are st rengthening the insurance principle of social benefits in a number of European countries [9]. We believe it is plausible that the characteristics at the level of the country can influence citizens' preferences regarding the welfare state, as well as potent ially influence personal risk and preferences. For example, we assume that the impact of personal risk may depend on GDP per capita and the level of income inequality: personal risk will be more important for the preferences with regard to the design and scale in poorer countries and in countries with higher income inequality just because the consequences of the loss of income are potentially more severe. To take into account the effects both at the country level and at the level of individuals, we will use multilevel models based on data from the 2008 European Social Survey.

The social and economic status of a person is of great importance for his preferences regarding public welfare. A large number of studies have shown that the prevailing economic situation, the employment situation, and the level/type of human capital are important determinants for an individual's support for the idea of social responsibility in the field of economic well-being [10]. Recently, comparative studies have begun to differentiate the influence of the prevailing economic and employment situations from the influence of objective and subjective variables that measure personal income loss risks. The abovenamed situations strongly correlate with the personal risk of income loss [10]. However, they are theoretically different from each other. If citizens care predominantly about their income, we should expect an ideal relationship between income and preferences regarding public welfare. The poor will be for it, while the rich will be against it. If people also reasonably care about the future economic situation, some wealthy people will support public welfare measures because their future economic situation is uncertain [24]. However, the extent to which people are risk-seeking, able to assess the risk of loss of future income and discount the future, and the way in which the risk of loss of income affects preferences beyond the requirement of 'more government' are largely unknown.

The literature on political economy focuses on the objective risks of the income loss. These studies begin from a position of rational choice, when people are moderately risk-seeking, understand their future incomes and care about them. Most of these studies involve the development of hypotheses about the welfare state preferences of the employed people, depending on the characteristics of their employment. Obviously, personal risks related to the welfare state preferences depend not only on a person's profession and employment situation.

In sociological studies, a distinction is sometimes made between 'old' and 'new' social risks, where the first ones are associated with an industrial society, and the second ones are associated with risks related to the transition to a post-industrial society (for example, with the changes in the family structure and the faster technological changes which imply the need for continuous professional development of the employees) [30]. Although we are mainly interested in the importance of the risk of job-related income loss, our choice of control variables is driven by the studies of the new social risks.

P. Rehm's work provides an excellent review of the literature on the risks associated with employment characteristics. He distinguishes between arguments and measures rooted in the classification of industries and professions [25]. One area of the studies highlights the risks posed by an open-to-trade economy. As stated in the study on compensations in trade, open economies have large welfare states, since workers demand income protection as compensation for income vulnerability associated with an open economy [8; 26]. Thus, workers in sectors that are open to trade should be more supportive of public welfare than workers in protected sectors. Although the trade compensation hypothesis has been used to explain why countries with more open economies have larger welfare states, empirical verification of the hypothesis at the individual level have been ignored until recently. Based on the respondent codes in the Industrial Classification (NACE) in combination with the OECD labor force statistics, P. Rehm determined whether respondents work in a sector open to trade and whether this sector has comparative advantages [25]. Proceeding from the trade compensation hypothesis, one should expect that workers in sectors open to trade will be more supportive of the welfare state that those who work to a lesser extent. This will be conditioned by the sectors with comparative advantages, or protected sectors. However, P. Rehm found no support for the hypothesis of compensation in trade [25]. Moreover, he found that none of the variables derived from the industrial classification, including the unemployment rate of industries, affect preferences concerning redistribution.

Основным вкладом П. Рема стал вывод о том, что подверженность риску на профессиональном уровне имеет значение для предпочтений в отношении перераспределения [25]. Основным аргументом в пользу этого было то, что смена профессии является более сложной и потенциально вредной для человека, чем смена отрасли. Смена профессии часто требует периодов подготовки и обучения. Поэтому подверженность риску на уровне профессии важнее, чем подверженность риску на уровне отрасли. В своем анализе П. Рем включил две переменные, измеряющие подверженность профессиональным рискам: риск безработицы, измеряемый уровнем безработицы по двузначным профессиональным кодам ISCO-88, и специфику навыков (также полученную из профессиональных кодов) [25].

Аргумент о важности специфики навыков был развит Иверсеном и Соскисом [17]. Они утверждали, что тип человеческого капитала, которым обладает человек, определяет его предпочтения в отношении политики государства всеобщего благосостояния. Они различают навыки, характерные для конкретной фирмы или профессии, и навыки, переносимые между фирмами. Чем больше формального или неформального обучения на рабочем месте, необходимого для выполнения работы, тем больше появляется у них специфичных навыков, выгодных для фирмы [17]. Чтобы инвестировать в навыки, специфичные для конкретной фирмы, работники нуждаются в более высоком уровне защиты рабочего места и требуют более щедрой защиты доходов, чем работники с переносимыми навыками. Последнее объясняется тем, что если работники, обладающие специфическими для конкретной фирмы навыками, потеряют работу, они, скорее всего, столкнутся с более длительным периодом безработицы из-за более низкого спроса на их навыки. Иверсен и Соскис представили эмпирические данные Международной программы социальных обследований (ISSP), подтверждающие это утверждение [18].

Взаимосвязь между открытостью торговли, предпочтениями государства благосостояния и политикой государства благосостояния является частью более общей дискуссии о взаимосвязи между глобализацией и государством благосостояния. Уолтер и Мадуз, пытаясь оценить влияние экономической глобализации на предпочтения в социальной политике, объединили две модели из литературы по политической экономии, чтобы определить победителей и проигравших от глобализации [32]. Отраслевая модель предполагает, что люди, занятые в секторах со сравнительными преимуществами, выиграют от глобализации, в то время как работники неблагополучных секторов окажутся в проигрыше. Факториальная модель предполагает, что от глобализации выиграют те, кто обладает большим количеством факторов производства. В Европе в большинстве стран богатыми факторами производства являются капитал и высокообразованная рабочая сила.

Это означает, что высокообразованные люди выиграют от глобализации, тогда как низкоквалифицированные окажутся в проигрыше. Объединив две модели, Уолтер и Мадуз предсказали, что победителями глобализации станут высококвалифицированные специалисты, занятые в профессиях, подверженных влиянию оффшоров, а проигравшими – низкоквалифицированные работники, занятые в профессиях, которые потенциально могут быть перемещены за границу. Они классифицировали «оффшорность» каждой профессии по шкале от 0 до 3, где на одном конце шкалы находится работа, которую нужно выполнять на определенном рабочем месте в соответствующей стране (например, парикмахерская), а на другом – работа, которую можно выполнять практически везде (например, программирование данных). Используя эту классификацию, они обнаружили, что проигравшие в глобализации значительно чаще поддерживают перераспределение доходов, чем победители глобализации. Как уже говорилось выше, личные риски потери дохода связаны не только с отраслями и профессиями и могут быть не вполне увязаны с объективными обстоятельствами. Данные ESS включают ряд вопросов, в которых респондентов просят оценить свои будущие риски безработицы и потери дохода. Это позволит нам оценить важность восприятия личного риска для предпочтений государства благосостояния. Является ли восприятие рисков только отражением объективных рисков, связанных с занятостью, или же оно вносит самостоятельный вклад в предпочтения государства благосостояния?

Хотя основное внимание мы уделяем важности объективного измерения рисков, связанных с занятостью, это не означает, что нами не признается важность рисков, возникающих в других областях. Профессия и экономический сектор – это один из трех уровней, на которых может быть вызван риск потери дохода, остальные – это индивидуальный уровень и уровень страны. На индивидуальном уровне текущий доход и уровень образования, безусловно, важны; кроме того, значимыми выступают гендерные различия, связанные с семейными обязательствами, общие семейные обязательства, риск проблем со здоровьем, связанный с жизненной позицией и семейной ситуацией (например, преимущества масштаба от жизни с партнером), потери дохода и/или предпочтения государства социального обеспечения.

На уровне страны несколько переменных могут влиять не только на предпочтения индивидов в отношении государства всеобщего благосостояния, но и на силу связи между рисками и предпочтениями государства всеобщего благосостояния. Возможно, наиболее важным является уровень безработицы.

Блекесон показал, что низкий уровень занятости связан с большей поддержкой ответственности правительства [6]. Более того, уровень профессиональной безработицы внутри страны коррелирует с

P. Rehm's main contribut ion was the conclusion that exposure to risk at the professional level is important for preferences concerning redistribution [25]. The main argument in favor of this was that changing a profession is more difficult and potentially harmful to a person than changing an industry. Changing professions often requires periods of preparation and training. Therefore, exposure to risk at the level of profession is more important than exposure to risk at the industry level. In his analysis, P. Rehm included two vari ables measuring exposure to the risks associated with the profession: the risk of unemployment measured by the unemployment rate according to the ISCO-88 two-digit occupation codes and the specifics of skills (also taken from the occupation codes) [25].

The argument about the importance of specific skills was developed by Iversen and Soskice [17]. They stated that the type of human capital possessed by a person determines his preferences regarding the welfare state policies. They distinguish between skills specific to a particular company or profession and skills transferable between companies. The more formal or informal on-the-job training is required to do the job, the more specific the skills are for a particular company [17]. To invest in the company-specific skills, workers need a higher level of their workplace protection and, more importantly for this chapter, require more generous income protection than workers with transferable skills. This is because if employees with the company-specific skills lose their jobs, they are likely to face a longer period of unemployment due to lower demand for their skills. Iversen and Soskice presented empirical data from the International Social Survey Program (ISSP) confirming this claim [18].

The relationship between trade openness, welfare state preferences and welfare state policies is part of a broader discussion about the relationship between globalization and the welfare state. While trying to assess the impact of economic globalization on social policy preferences, Walter and Maduz combined two models from the literature on political economy to determine the winners and losers of globalization [32]. The industry-focused model assumes that people employed in sectors with comparative advantages will benefit fro m globalization, while workers in disadvantaged sectors will lose out. The factor-focused model assumes that those who have a large number of production factors will benefit from globalization. In most European countries, capital and highly educated workforce are major production factors.

This means that highly educated people will benefit from globalization, while low-skilled people will lose out. Having combined the two models, Walter and Maduz predicted that the winners of globalization would be highly skilled professionals employed in professions affected by offshores, while the losers would be low-skilled workers employed in professions that could potentially be relocated abroad. They classified the offshoreability of each profession on a scale from 0 to 3, where at one end of the scale is a job that needs to be done at a specific workplace in a certain country (for example, a hairdresser), and at the other is a job that can be done almost anywhere (for example, data programming). Using this rating, they found that losers in globalization are significantly more likely to support income redistribution than the winners of globalization. As mentioned above, personal income loss risks are not only related to industries and professions and may not be fully related to objective circumstances. The ESS data include a number of questions in which respondents are asked to assess their future risks of unemployment and loss of income. This will allow us to assess the importance of the personal risk perception for the preferences regarding the welfare state. Is risk perception only a reflection of the objective risks associated with employment, or does it make an independent contribution to the preferences regarding the welfare state?

Although we focus on the importance of objective measurement of the risks associated with employment, this does not mean that we do not recognize the importance of risks arising in other areas. The profession and the economic sector are one of the three levels at which the risk of income loss can be caused, the others are the individual level and the level of the country. On an individual level, current income and educational level are certainly important in addition to gender differences related to family obligations, general family oblig ations, the risk of health problems related to life position and family situation (for example, the advantages from living with a partner), income loss and / or preferences regarding the state of social protection.

At the country level, several variables can influence not only individuals' preferences regarding the welfare state but also the strength of the relationship between risks and welfare state preferences. Perhaps the most important one is the unemployment rate.

Blekesaune showed that a low level of employment is associated with greater support of government responsibility [6]. Moreover, the level of occupational unemployment within the country correlates

общим уровнем безработицы в стране. Уровень ВВП на душу населения важен для способности страны расширять свое государство всеобщего благосостояния, и избиратели могут принимать это во внимание при формировании своих предпочтений.

Уровень неравенства доходов является потенциально важным фактором. Как богатство, измеряемое ВВП на душу населения, так и уровень неравенства доходов коррелирует с текущим благосостоянием и поэтому также может влиять на отношение к государству всеобщего благосостояния. Что касается межуровневых взаимодействий, мы предполагаем, что связь между риском и предпочтением щедрых мер государственного социального обеспечения будет сильнее в более бедных странах и странах с более высоким уровнем неравенства доходов просто потому, что потери статуса в случае мобильности доходов вниз относительно больше в более не равных с точки зрения доходов странах и сильнее в бедных, чем в богатых.

В рассмотренных выше исследованиях оценивается важность риска для предпочтений в отношении перераспределения. И Рем, и Уолтер и Мадуз прямо признали слабость сведения предпочтений государства всеобщего благосостояния только к вопросу о перераспределении доходов [25; 31]. П. Рем обосновал это тем, что большинство механизмов социального страхования имеют перераспределительные последствия [25]. Мы согласны с этим, но тем не менее считаем, что эмпирическая поддержка их аргументов усилится, если окажется, что риск потери дохода связан с поддержкой более широкого охвата государства всеобщего благосостояния и прогрессивности схем страхования от безработицы, пенсионных схем и подоходного налогообложения.

На основании указанного выше можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, межнациональные различия в поддержке государства всеобщего благосостояния имеют разные измерения, и эти измерения удивительно слабо коррелируют между собой. Различие между поддержкой социального страхования и поддержкой перераспределения доходов давно признано в теории, а в последнее время – и в эмпирических исследованиях. Вывод о том, что поддержка широкой государственной ответственности за социальное страхование на уровне страны не коррелирует с поддержкой более прогрессивной системы социального страхования, подтверждает это различие. Однако на индивидуальном уровне переменные, которые значимо коррелируют с поддержкой государственной ответственности за социальное страхование, в целом совпадают с теми, которые значимо коррелируют с более прогрессивной системой социального страхования. Предположительно, это влечет сильную корреляцию между текущим доходом и ситуацией с занятостью индивида и риском потери дохода в будущем [10].

Во-вторых, наши результаты убедительно подтверждают, что респондентам всегда следует напоминать о том, что увеличение объема социальных выплат сопряжено с определенными издержками, поскольку поддержка увеличения социальных расходов существенно снижается, когда респонденты знают о необходимости пойти на повышение налогов ради увеличения социальных расходов. Это сравнимо с часто подавляющей поддержкой, которая обычно наблюдается, когда респондентов просто спрашивают, хотят ли они увеличения государственных расходов на социальное обеспечение.

Переходя к выводам и последствиям для теоретических аргументов, мы не обнаружили никаких доказательств гипотезы компенсации, то есть того, что люди, подверженные большему риску из-за занятости в секторе или профессии, открытой для торговли, более привержены государству благосостояния. Мы также не обнаружили, что занятость в секторе со сравнительными преимуществами имеет значение для предпочтений государства всеобщего благосостояния. Последняя переменная риска, связанная с глобализацией экономики, – показатель Уолтера и Мадуза, определяющий, насколько вероятно, что ваше рабочее место будет переведено за границу, – в наших результатах не связана с установками в пользу социального обеспечения [32]. Однако те, кто занят в государственном секторе, в большей степени поддерживают общественное благосостояние.

Мы также находим удивительно слабую поддержку широко цитируемого утверждения Иверсена и Соскиса о том, что наличие навыков, характерных для конкретной фирмы, имеет важное значение для предпочтений государства всеобщего благосостояния [17]. Наконец, мы считаем, что уровень безработицы в профессиональной сфере связан с предпочтениями в пользу государства всеобщего благосостояния [17].

Неудивительно, что субъективный риск потери дохода сильнее связан с поддержкой государства всеобщего благосостояния, в частности с прямым измерением риска экономических проблем. Кроме того, субъективный риск явно определяется не только объективными переменными риска. Думается, что те, кто выражает высокий уровень риска, с большей вероятностью будут требовать широкой государственной ответственности и более прогрессивной системы социального страхования. Однако они с меньшей вероятностью поддержат повышение налогов для увеличения пособий.

Нелинейное динамическое управление социальностью государства

Современные системы социального обеспечения тотально характеризуются низкой эффективностью и непрозрачностью, подверженностью злоупотреблениям и бюрократической волоките, объективно плохо выполняют свое предназначение. Внедрение цифровых решений в этой сфере тоже пока не позволяет достичь хотя бы минимальной полезности,

with the overall unemployment rate in the country. The level of GDP per capita is important for a country's ability to expand its welfare state, and voters can take this into account when shaping their preferences.

The level of income inequality is a potentially important factor. Both wealth, as measured by GDP per capita, and the level of income inequality correlate with current well-being and therefore can also influence attitudes to the welfare state. With regard to cross-level interactions, we assume that the relationship between risk and the preference for generous social protection measures provided by government will be stronger in poorer countries and countries with higher levels of income inequality, simply because status losses in the case of downward income mobility are relatively greater in more unequal countries and stronger in poor than in rich countries.

The studies discussed above assess the importance of risk for preferences associated with redistribution. Both Rehm and Walter and Maduz explicitly recognized the inefficiency of reducing the welfare state preferences to the income redistribution [25; 31]. P. Rehm justified this by the fact that most social insurance mechanisms have redistributive effects [25]. We agree with this statement but nevertheless believe that empirical support for their arguments will increase if it turns out that the risk of income loss is associated with supporting the welfare state broader coverage and progressiveness of the unemployment insurance schemes, pension schemes and income taxation.

Based on the above, the following conclusions can be formulated. Firstly, national differences in supporting the welfare state have different dimensions, and these dimensions are surprisingly poorly correlated with each other. The difference between supporting social insurance and supporting income redistribution has long been recognized in theory, and more recently also in empirical research. The conclusion that the support of the broad state responsibility for social insurance at the national level does not correlate with the support for a more progressive social insurance system confirms this difference. However, at the individual level, the variables that significantly correlate with the support of state responsibility for social insurance generally coincide with those that significantly correlate with a more progressive social insurance system. Presumably, this entails a strong correlation between the current income and the individual's employment situation and the risk of income loss in the future [10].

Secondly, our results convincingly affirm the opinion that respondents should always be reminded of the certain costs associated with increasing social benefits, since the support of increased social spending decreases significantly when respondents are aware of the need to raise taxes in order to increase social spending. This is comparable with the often overwhelming support that is usually observed when respondents are simply asked if they want an increase in the state spending on social security.

Turning to the conclusions and implications for the theoretical arguments, we found no evidence for the compensation hypothesis, that is, that people who are more at risk due to employment in a sector or a profession open to trade are more committed to the welfare state. We also did not find that employment in a sector with comparative advantages matters for the preferences regarding the welfare state. The last risk variable associated with economic globalization, the Walter and Maduz indicator, which determines how likely your workplace is to be relocated abroad, is not related to attitudes to social protection in our results [32]. However, those employed in the public sector are more supportive of the public welfare.

We also find surprisingly little support for the widely cited claim by Iversen and Soskice that having company-specific skills is meaningful for the preferences regarding the welfare state [17]. Finally, we believe that the unemployment rate in the professional sphere is related to preferences in favor of the welfare state [17]

Unsurprisingly, the subjective risk of income loss has a stronger correlation with support for the welfare state, in particular with direct measurement of the risk of economic problems. Moreover, subjective risk is clearly determined not only by objective risk variables. It seems that those who express a high level of risk are more likely to demand broad state responsibility and a more progressive social insurance system. However, they are less likely to support tax increases to increase benefits.

The Nonlinear Dynamic Management of State Welfarism

Modern social security systems are totally characterized by low efficiency, lack of transparency, vulnerability to corruption, bureaucratic red-tapism, and, objectively speaking, perform their functions poorly. The introduction of digital solutions in this area also does not yet make it possible to achieve at least minimal usefulness,

тем более что немалая часть населения по-прежнему остается вне понимания и пользования цифровыми технологиями. Но надо иметь в виду, что, как писал Роберт Мёртон, «самоисполняющееся пророчество, когда страхи воплощаются в реальность, действует только в отсутствие целенаправленного институционального контроля» [23, p. 210]. И нам вполне по силам управлять потоками событий и полями ситуаций, были бы необходимые желание и усердие.

Правительства многих государства – правовых, с развитой рыночной экономикой, с потенциалом прорывного инновационного развития и потенциалом технологического превосходства в том или ином направлении или линейке направлений – уже весьма и весьма длительное время демонстрируют свою неспособность (не нежелание, ибо себе дороже провоцировать революции) справляться с проблемой выраженной бедности и крайней ее формы – нищеты. Между тем основной интегральный продукт, который производит социальность государства, – это именно отсутствие бедности (или по крайней мере максимально возможно достижимый уровень ее редуцированности, аллевиации), причем у разных формаций государств – социалистического и капиталистического – различные подходы, но цель эта постулируется и артикулируется в любом случае.

И здесь нет никаких универсальных решений. Публичное управление социальностью государства всегда нелинейно, нередко подлежит осуществлению в нечеткой логике, поскольку это всегда управление в динамике противоречиями и компромиссами. Оперирование установками, параметрами социальности государства можно образно сравнить с огромным пультом эквалайзера, когда вы динамически выставляете необходимые уровни управляющих сигналов тонкой ручной настройки.

Согласно Бенту Гриву, основная проблема государства всеобщего благосостояния заключается в том, что для удовлетворения ряда потребностей часто требуются мероприятия и различные виды поддержки со стороны государства. Однако при принятии решения о том, кого поддерживать, а кого нет, с их претензиями на получение пособий в натуральной или денежной форме, ответить на этот вопрос сложнее. Это связано не только с тем, что у нас, как у людей, разные предпочтения, но и с тем, что место и образ жизни могут вызывать различия в потребностях, которые необходимо удовлетворять. Поэтому следует более точно знать, что на самом деле необходимо и, учитывая ограниченность ресурсов, как государство всеобщего благосостояния должно решать, что поддерживать, а что нет [16]. Согласно Деннису Сноуэру, меры социальности государства всеобщего благосостояния, направленные непосредственно на бедные слои населения, неизбежно приводят к перекосам. Но при выборе из всех возможных видов перераспределительной политики такого рода следует руководствоваться двумя общими критериями: 1) перераспределительная политика, способствующая росту занятости и производства, в целом предпочтительнее той, которая просто переводит доходы от богатых к бедным; 2) антициклические стимулы для непривилегированных социально-экономических групп, как правило, предпочтительнее тех, которые не выполняют функцию автоматического стабилизатора. Первое требование очевидно, поскольку повышение уровня жизни бедных слоев населения за счет занятости создает товары и услуги и одновременно устраняет пагубные психологические и социологические последствия безработицы. Второе требование важно, поскольку оно защищает от неэффективности и инфляционных последствий, возникающих, когда деятельность государства вытесняет деятельность частного сектора [28].

Концепты цифрового благосостояния и цифрового социального государства

Бедность и уязвимость сводятся к проблемам,
которые можно решать и исправлять
с помощью технологических инноваций.
Джонатан МакКалли [22]

Повышенная доступность и индивидуализация – два наиболее распространенных требования потребителей в наши дни [19]. И «цифра» как нельзя лучше подходит для обеспечения этих потребностей.

Введены в оборот и становятся всё более значимыми термины «цифровое благосостояние» (англ. *digital welfare*) и «цифровое социальное государство» (англ. *digital welfare state*).

Термин «социальная проблема», согласно Мурадие Атесу, указывает на трудности в удовлетворении основных потребностей отдельных людей и групп. Концепция социальной проблемы стала более очевидной после промышленной революции, которая привела к серьезному классовому разделению и усилению поляризации. В связи с этим многие развитые и развивающиеся страны стали уделять внимание разработке, внедрению, оценке и распространению инновационных идей для удовлетворения социальных потребностей и решения глубоких социальных проблем. В последние годы наблюдается рост интереса к концепции социальных инноваций со стороны гражданского общества, частного сектора и государственных учреждений. Как следствие, появились различные виды продуктов и услуг, новые виды сотрудничества и новые политические инструменты. В этой связи социальные инновации можно рассматривать как полезный инструмент социальной политики для правительств на местном, региональном и национальном уровнях. С учетом ускоряющейся урбанизации, города теперь должны быть спроектированы более разумно, поскольку процессы управления сложной городской жизнью требуют новых инновационных методов и решений. Мир постепенно становится цифровым во всех сферах жизни. Города, системы управления, экономика, социальная жизнь,

especially since a significant part of the population still does not understand and use digital technologies. But one must understand that 'self-fulfilling prophecy, whereby fears are translated into reality, operates only in the absence of deliberate institutional controls', according to Robert Merton [23, p. 210]. And we are quite capable of managing the flow of events and situations if we had the necessary desire and diligence.

For a very long time, the governments of many states have been demonstrating their inability (not unwillingness, because no state wants to provoke revolutions) to cope with the problem of pronounced poverty and its extreme form – indigence. This is true with regard to states governed by the rule of law, possessing developed market economies as well as the potentials for breakthrough innovative development and for technological superiority in a particular area or a set of areas. Meanwhile, the main integral output produced by state welfarism is precisely the absence of poverty (or at least the maximum achievable level of its reduction, alleviation); different formations of states – socialist and capitalist – have different approaches, but these goals are postulated and articulated in any case.

There are no magic universal solutions here. Public management of state welfarism is always nonlinear, and is often subject to fuzzy logic, since it is always a dynamic management of contradictions and compromises. Handling of the settings and parameters of state welfarism can be figuratively compared with a huge equalizer console, when one dynamically sets the necessary levels of control signals for fine manual tuning.

According to Bent Greve, the main problem of the welfare state is that in order to meet a number of needs, measures and various types of support from the state are often required. However, it is more difficult to deal with this problem when deciding on who should be supported and who should not, with due regard for their claims to get benefits in kind or in cash. This is because we, as humans, have different preferences, but also because the place and lifestyle can cause differences in the needs to be met. Therefore, it is necessary to know more precisely what is really necessary, and, given the limited resources, how the welfare state should decide what to support and what not [16]. According to Dennis Snower, social measures of the welfare state targeted directly at the poor inevitably lead to distortions. However, when choosing from all possible types of redistributive policies of this kind, two general criteria should be followed: 1) redistributive policies that promote employment and production growth are generally preferable to those that simply transfer income from the rich to the poor; 2) countercyclical incentives for unprivileged social economic groups are usually preferable to those that do not perform the function of an automatic stabilizer. The first requirement is reasonable since the standard of living of the poor enables the creation of goods and services through employment and at the same time eliminates the harmful psychological and sociological consequences of unemployment. The second requirement is important because it protects against inefficiency and inflationary consequences that occur when government activity forces the private sector activity out [28].

Concepts of Digital Welfare and the Digital Welfare State

Poverty and vulnerability are reduced to problems
that can be 'solved' or 'fixed'
by technological innovation.
Jonathan McCully [22].

Increased accessibility and customization are two of the most common consumer demands these days [19]. And digitalization is the best way to meet these requirements.

The terms 'digital welfare' and 'digital welfare state' have been introduced and are becoming increasingly important.

According to Muradiye Ates, the term 'social problem' means difficulties in meeting the basic needs of individuals and groups. The social problem concept became more apparent after the Industrial Revolution which resulted in severe class differentiation and increased polarization. As a result, many developed and developing countries began to pay attention to the formation, implementation, evaluation, and dissemination of innovative ideas for satisfying social needs and solving deep social problems. In recent years, there has been a growing interest in the concept of social innovation from civil society, the private sector and government agencies. As a result, different types of products and services, new types of cooperation, and new policy tools have emerged. In this regard, social innovation can be viewed as a useful tool of social policy for governments at the local, regional and national levels. Given the accelerating urbanization, cities now need to be designed in a smarter way, as the processes of managing complex urban life require new innovative methods and solutions. The world is gradually becoming digital in all areas of life. Cities, management systems, economics, social life,

окружающая среда и мн. др. – все они затронуты этим трансформационным прогрессом и вовлечены в цифровые экосистемы. Последние переопределяют способы взаимодействия и создания стоимости в городах, могут оказывать значительное влияние на различные параметры качества жизни, такие как безопасность, время и удобство, здоровье, качество окружающей среды, социальные связи и гражданское участие, рабочие места и стоимость жизни. Эти параметры также являются движущими факторами умных городов и инноваций. Умные цифровые решения становятся эффективным инструментом для долгосрочной устойчивости городов и способствуют «цифровому благосостоянию» во всем мире [4].

Согласно Хлое Тартан, «**цифровое благосостояние**» (внутри соответствующего концепта) – понятие с многослойными контекстами и коннотациями использования. Одной из наиболее известных интерпретаций этого всё чаще встречающегося понятия являются цифровизация и цифровая онтология социальных услуг и мер социальной поддержки. Другая интерпретация термина «цифровое благосостояние» касается цифрового отражения (релевантного цифрового образа) реального благополучия людей в цифровом мире [29].

Этот концепт – цифрового благосостояния – относится к психолого-эмоциональному здоровью людей в отношении использования технологий и включает в себя управление временем в сети, качество цифрового взаимодействия и то, как на человека влияет постоянный поток информации, способен ли он противостоять негативному цифровому давлению. Цель состоит в том, чтобы найти разумный баланс между жизнью в сети и реальной жизнью (офлайн) для улучшения общего качества жизни [22].

Цифровизации социального обеспечения и государственного сектора при грамотном их задействовании обоснованно рассматривается как способ предложить более эффективное экономичное решение для удовлетворения постоянно растущих потребностей населения [19].

Согласно Джорджии ван Тоорн, Полу Хенману и Карен Солдатич, **цифровое социальное государство** представляет собой сложную исследовательскую область, поскольку оно находится на пересечении двух значительных областей социальных наук – цифровых технологий и социальной политики социальных государств, – обе из которых включают в себя широкий спектр быстро меняющихся технологий, акторов и процессов. В широком смысле цифровое социальное государство относимо к особой государственной формации, в которой широкомасштабные цифровые технологии, включая автоматизированные системы принятия решений, алгоритмы, аналитику больших данных и искусственный интеллект (ИИ), интегрированы в управление и предоставление услуг социального обеспечения государственными учреждениями, которые в некоторых случаях затем предоставляются через сложный набор подрядных поставщиков, что учёные в области социальной политики называют смешанной экономикой благосостояния. Эти изменения происходят в целом ряде областей – от социального обеспечения, государственного и социального жилья, здравоохранения, инвалидности и услуг по защите детей до продовольственной помощи, охраны границ, правоохранительных органов и систем правосудия. В некоторых случаях они широко пересекаются с различными социотехническими системами, несмотря на кажущееся отсутствие какой-либо четкой связи. Например, биометрические системы аутентификации, удостоверяющие личность человека по определенным биологическим признакам, таким как отпечатки пальцев или черты лица, используются при распределении социальных услуг и обеспечении безопасности границ, а также позволяют добиться большей условности в социальной политике. В различных сферах социального обслуживания граждане всё чаще взаимодействуют с правительствами через цифровые платформы и мобильные приложения. Стремясь повысить доступность и эффективность предоставления услуг, цифровые государства благосостояния нацелены на существенное сокращение расходов за счет уменьшения зависимости от ручного вмешательства человека и административного труда, а также интеграции алгоритмов для автоматизации процессов принятия решений, связанных с правом на получение услуг, уровнем обслуживания и другими аспектами распределения социальных ресурсов для граждан и их домохозяйств [31, p. 508–509].

Блокчейн в обеспечении будущего социального государства: авторский концепт

Могут ли передовые технологические и регуляторные решения в рамках концептов Индустрии 4.0 и 5.0 помочь в стабилизации и удержании устойчивости трека будущего развития, эволюционирования социального государства?

Проведенное нами исследование позволяет с уверенностью положительно ответить на этот вопрос, однако принимая во внимание то, что новейшие цифровые решения могут как открывать новые позитивные возможности, так и продуцировать риски, неопределенности, усугублять имеющиеся проблемы.

Прежде всего, речь идет о задействовании технологий блокчейн, обеспечивающих прозрачность, проверяемость и подотчетность (если, конечно, речь идет об отечественных разработках, оплачиваемо «отрываемых» от разработчиков в части прав интеллектуальной собственности на такие технологии и в части постпродажного управления таковыми).

Рассмотрим вкратце, что представляет собой данная технология. Устоялось понимание блокчейна как децентрализованной, распределенной базы данных, которая надежно и прозрачно хранит информацию за счет того, что каждый блок в цепочке содержит 3 элемента данных: данные сами по себе, их

the environment, and more are all affected by this transformational progress and are involved in digital ecosystems. Digital ecosystems are redefining how cities interact and create value. They can have a significant impact on various life quality parameters such as safety, time and convenience, health, environmental quality, social relation and civic engagement, jobs and cost of living. These parameters are also the driving factors of smart cities and innovation. Smart digital solutions are becoming an effective tool for the long-term sustainability of cities and contribute to 'digital welfare' around the world [4].

According to Chloe Tartan, **'digital welfare'** (within the corresponding concept) is a notion with multi-layered contexts and connotations of use. One of the most well-known interpretations of this increasingly common notion is digitalization and the digital ontology of social services and social support measures. Another interpretation of the 'digital welfare' term concerns the digital reflection (relevant digital image) of the real welfare of people in the digital world [29].

The concept of digital welfare refers to the psychological and emotional health of people associated with the use of technology, and includes online time management, the quality of digital interaction and the way a person is affected by the constant flow of information, as well as his ability to withstand negative digital pressure. The goal is to find a reasonable balance between online and real life (offline) for improving the overall quality of life [22].

When properly used, digitalization of social protection and the public sector is reasonably treated as a way to offer a more efficient and cost-effective solution to meet the ever-growing needs of the population [19].

According to Georgia van Toorn, Paul Henman, and Karen Soldatić, the **digital welfare state** is a challenging domain for research as it sits at the intersection of two sizeable bodies of social science investigation – digital technologies and the social policy/ welfare states both of which involve a broad spectrum of rapidly changing technologies, actors and processes. Broadly speaking, the digital welfare state refers to a particular state formation in which wide-ranging digital technologies, including automated decision-making systems, algorithms, big data analytics and artificial intelligence (AI), are integrated into the administration and provision by government agencies of welfare services, which, in some cases, are then delivered through a complex set of contracted providers. This is what social policy scholars call the mixed economy of welfare. These changes are occurring across a range of areas, from social security, public and social housing, healthcare, disability and child protection services, to food aid, border security, law enforcement and justice systems. At times, they have extensive overlap spanning various socio-technical systems, despite appearing to lack any clear connection. For example, biometric authentication systems, which verify individuals' identities through distinct biological traits, such as fingerprints or facial features, are used in the distribution of welfare services and the securitization of borders, while also enabling greater conditionality in social policy. In various social service domains, citizens increasingly interact with governments through digital platforms and mobile applications. Aiming to improve access and efficiency in service delivery, digital welfare states target substantial cost reductions by reducing dependence on manual human interventions and administrative labor, and integrating algorithms to automate decision-making processes related to eligibility, service levels and other aspects of social resource allocation for citizens and their households [31, pp. 508–509].

Blockchain in Ensuring the Future of the Welfare State: The Authors' Concept

Can advanced technological and regulatory solutions within the framework of the Industry 4.0 and 5.0 concepts help to stabilize and maintain the sustainability of the track of the future welfare state development and evolution?

Our research allows us to confidently answer this question in the affirmative. At the same time, it should be taken into account that the latest digital solutions can both open up new positive opportunities and produce risks, uncertainties, exacerbate existing problems.

First of all, we are talking about the use of blockchain technologies that ensure transparency, verifiability, and accountability (this is the case of domestic developments that are 'torn off' from their developers on a fee-paying basis in terms of intellectual property rights to such technologies and in terms of post-sale management of such technologies).

Let us describe the blockchain concept in short. There is a well-established understanding of blockchain as a decentralized, distributed database that reliably and transparently stores information because each block in the chain contains 3 data elements: the data itself, their

уникальный идентификатор (хэш) и уникальный идентификатор (хэш) предыдущего блока в цепочке, таким образом, каждый блок настолько связан с предыдущим, что попытка его изменения становится моментально очевидной, так как хэши больше не будут совпадать. Секция 1 Закона штата Невада (США) от мая 2017 года № NV SB398 дополнила главу 719 Пересмотренного свода законов штата Невада нормой, содержащей следующее определение: «“Блокчейн” означает электронную запись транзакций или других данных, которая: 1) унифицированно упорядочена; 2) резервированно поддерживается или обрабатывается одним или несколькими компьютерами или машинами для обеспечения согласованности или целостности (ненарушаемости) записанных транзакций или других данных; 3) проверяема (валидируема) с использованием криптографии». Будем опираться на это определение.

Потенциально возможная интеллектуализированная функциональная нагрузка блокчейн-систем в сфере обеспечения социальности государства может быть разложена по следующей палитре позиций:

– полноохватная дискретная фиксация потоков выплат и условий, выступающих основаниями для таких выплат; сбор, обработка и хранение высококачественных референтных данных на всех уровнях системы социального обеспечения и в целом данных об онтологии действующего социального государства на всех уровнях системы органов публичной власти, с конвертацией множеств выплачиваемых пособий в единое интегративное, рассчитываемое в отношении бенефициара (семьи бенефициаров) исходя из всех значимых обстоятельств; гарантия того, что мера социальной поддержки будут целевым образом доставлена тем, кто в ней больше всего нуждается;

– фиксация, хранение и контроль данных относительно любых и каждых государственных бюджетных расходов на реализацию социальности государства на всех уровнях системы социального обеспечения, с проведением замеров и оценки общей эффективности программ социальной поддержки;

– фиксация, хранение и контроль всей системы актов нормативно-правового обеспечения социальности государства и всех соответствующих административно-распорядительных актов на всех уровнях системы органов публичной власти (включая муниципальный уровень и случаи делегирования непублично-правовым акторам) и всех данных относительно любых и каждых изменений (в режиме текущего реального времени) в нормативно-правовом обеспечении социальности государства на всех уровнях системы органов публичной власти;

– цифровой учет всей полноты оказанных и оказываемых удаленно цифровых государственных и муниципальных услуг в сферах здравоохранения, социального обеспечения, образования и т. д.;

– цифровая платформенная организация (на основе блокчейн) взаимодействия благотворителей с системой социальной поддержки маргинализированных лиц и прочих нуждающихся, а также для поддержки социально ценных и значимых проектов, с технологическим контролем того, сколько при этом «прилипает денег к рукам» владельцев и функционеров благотворительных организаций; по мере фокусировки платформенной модели на потенциальных бенефициарах – социально маргинализированных лицах – запускаются мероприятия, направленные непосредственно на них;

– цифровая платформенная организация (на основе блокчейна, в рамках концепта распределенных финансов), стимулирующая контракты между такими платформами и пользователями и реализуемая посредством транзакций-микроплатежей под стимулирование нуждающихся людей к систематическому взаимодействию с цифровой платформой:

• под выполнение небольших заданий (работ) на ежедневной основе – как форма оплачиваемой временной занятости для безработного на период поиска и подбора работы (осуществление этого именно на блокчейне обеспечит большую прозрачность выдачи финансовых вознаграждений и возможность отслеживания и аудита следов использования средств социального обеспечения);

• под ежедневное выполнение некоторых задач в личных интересах (например, ежедневно проверять портал социальных услуг, поддерживать в актуальном состоянии размещенные на нем данные о своем социальном обеспечении);

– цифровая платформенная организация (на основе блокчейна, в рамках концептов распределенных финансов и цифровых криптоактивов) реализации мер социальной поддержки гражданам, проживающим за рубежом без утраты связей с родиной (например, пенсий);

– цифровая платформенная организация (на основе блокчейна) контроля потоков запросов на поиск работы и предложений мест работы и управления их варьируемыми сопряжениями;

– интегрирующий синтетический свод всех данных, поступающих и собираемых со всех уровней системы социального обеспечения, для динамического формирования и корригирования государственной системы макроэкономического оперирования социальностью государства;

– интеграция цифровых технологий в систему геронтологического социального ухода за пожилыми людьми;

– цифровая платформенная опция для лиц, находящихся на грани финансового выживания, целевого мгновенного льготного микрокредитования или выплаты социальной поддержки на то, чтобы не быть выброшенными из дома и не стать бездомными за просрочку оплаты аренды и коммунальных услуг жилья или ипотеки по жилью (разумеется, до определенного уровня стоимости), а также оказания таким лицам помощи через сеть социальных магазинов продуктов питания.

unique identifier (hash) and the unique identifier (hash) of the previous block in the chain. Thus, each block is so bound up with the previous one that in case there are attempts to change it, this change becomes immediately obvious since the hashes will no longer match. Section 1 of Nevada Law No. NV SB398 (USA) of May 2017, supplemented Chapter 719 of the Nevada Revised Statutes with a norm containing the following definition: ‘Blockchain means an electronic record of transactions or other data which is: 1) uniformly ordered; 2) redundantly maintained or processed by one or more computers or machines to guarantee the consistency or nonrepudiation of the recorded transactions or other data; and 3) validated by the use of cryprography’. We will proceed from this definition.

The potential intellectualized functional load of blockchain systems in the field of ensuring state welfarism can be decomposed into the following palette of positions:

– comprehensive discrete recording of payout flows and conditions underlying such payments; collection, processing, and storing of high-quality reference data at all levels of the social protection system and, in general, of data on the ontology of the current welfare state at all levels of the system of public authorities, with the conversion of multiple benefits paid into a single integrative one calculated for the beneficiary (family of beneficiaries) based on all significant circumstances and ensuring that social protection measures will be delivered in a targeted manner to those who need it most;

– recording, storing, and monitoring of data on all government budget expenditures on the implementation of state welfarism at all levels of the social security system, providing measurements and assessments of the overall effectiveness of social support programs;

– recording, storage, and control of the entire system of acts that provide a legislative framework for state welfarism and of all relevant administrative and executive acts at all levels of the system of public authorities (including the municipal level and cases of delegation to non-public legal actors) and of all data regarding any and every change (in real time) in the legislative framework in question at all levels of the public authorities system;

– digital accounting of the full range of digital state as well as municipal services completed and provided remotely in the fields of healthcare, social security, education, etc.

– a digital platform-based organization (blockchain-based) of the interaction of charity providers with a system of social support for marginalized individuals and others in need, as well as for supporting socially valuable and significant projects, with the technological control of how much money ‘sticks to the fingers’ of the charitable organizations’ owners and officials; as the platform model focuses on potential beneficiaries – socially marginalized individuals, – activities aimed directly at them are launched;

– digital platform organization (blockchain-based, within the framework of the distributed finance concept) that stimulates contracts between such platforms and users and is implemented through micropayment transactions to encourage people in need to systematically interact with the digital platform:

• for performing small tasks (works) on a daily basis – as a form of paid temporary employment for the unemployed during the job search period (doing this on the blockchain will ensure greater transparency in paying fees and the possibility to track and audit traces of the social protection funds use);

• for daily performance of certain tasks in personal interests, for example, checking the social services portal daily, keeping up-to-date one’s own data about the social protection posted on it.

– a digital platform-based organization (blockchain-based, within the framework of the distributed finance concept and the digital crypto assets concept) of implementing the social support measures for citizens living abroad without losing ties with their homeland (for example, pensions);

– a digital platform organization (blockchain-based) of monitoring the flow of job search requests and job offers and managing their variable combinations;

– an integrating synthetic set of all data received and collected from all levels of the social protection system for the dynamic formation and modification of the state system of the state welfarism macroeconomic management;

– integration of digital technologies in the system of gerontological social care for the elderly;

– a digital platform-based option for people on the edge of the financial subsistence, involving targeted instant preferential micro-loans or social benefits aimed at helping them to avoid being thrown out of their homes and becoming homeless for late payment of rent and utilities or housing mortgages (clearly, up to a certain cost level), as well as providing assistance to such persons through a network of social food stores.

Уровень развития обеспечения сетью интернет и цифровизации, объективно один из лучший в мире, существенно редуцирует риски, что все вышеописанные позиции могут остаться только на бумаге из-за «цифровой незрелости» регионов. Сегодня уже есть все необходимые и достаточные условия, чтобы начать внедрять вышеуказанные позиции амбициозного, масштабного проекта «блокчейнизации» сферы онтологии («жизни» и «жизнедеятельности», функционирования и развития) социального государства.

Не навредить социальности государства с цифровизацией социального государства

Многие авторы признают, что цифровые технологии чаще всего придерживаются парадигмы контроля и наблюдения, гипертрофированно ставя во главу угла эффективность, а не нюансы социальной заботы [31]. Кроме того, цифровые решения часто трудно масштабировать для сектора социального обеспечения, и стремительное развитие цифровых технологий бросает вызов некоторым из существующих структур, предоставляя гражданам новые возможности в тех областях, где они видят потребность в чем-то, что в настоящее время не обеспечивается государством [19, p, 1]. С другой стороны, есть проблема того, что цифровые инструменты внедряются в этом секторе с минимальными публичными обсуждениями или подотчетностью [22].

Весьма важно, чтобы всё описываемое нами не превратилось в так называемый «цифровой концлагерь». Считается, что эту принудительно и идеологически-мотивированно маргинализируемую фразу активно пользует жёлтая пресса. Но это не так.

В 2019 году специальный докладчик ООН по вопросу о крайней нищете и правах человека Филипп Г. Олстон заявил: «Создание цифрового социального государства преподносится как альтруистическое и благородное предприятие, призванное обеспечить гражданам преимущества новых технологий, более эффективную работу правительства и более высокий уровень благосостояния. Однако зачастую оцифровка систем социального обеспечения сопровождается глубоким сокращением общего бюджета на социальное обеспечение, сужением круга получателей помощи, ликвидацией некоторых услуг, введением требовательных и навязчивых форм обусловленности, преследованием целей модификации поведения, введением более жёстких санкционных режимов и полным отказом от традиционного представления о том, что государство должно быть подотчётно человеку» (п. 5 доклада, с. 3); «По мере того как человечество, возможно, неумолимо, движется к цифровому социальному будущему, ему необходимо значительно и быстро изменить курс, чтобы не скатиться в зомбированную антиутопию цифрового социального обеспечения. Это будущее будет таким, в котором: неограниченное сопоставление данных используется для выявления и наказания за малейшие нарушения в записях получателей пособий (при этом старательно избегая подобных мер в отношении обеспеченных людей); все более совершенные средства наблюдения позволяют вести круглосуточный мониторинг получателей; на получателей налагаются условия, подрывающие индивидуальную автономию и выбор в отношении сексуального и репродуктивного выбора, а также в отношении еды, алкоголя, наркотиков и многого другого; и в отношении тех, кто выходит за рамки, могут быть применены крайне жёсткие санкции» (п. 72 доклада, с. 19)[1].

В этом предостережении речь идет о значительных негативных последствиях того, что правительства по всему миру активно принимают меры по цифровизации, автоматизации и информатизации своих систем социальной защиты. Филипп Олстон высказал опасения, которые ранее уже высказывались учеными и активистами, но пока не получили широкого распространения, особенно в отношении возможного ослабления прав на неприкосновенность частной жизни, усиления слежки и резкого возрастания социального неравенства. Филипп Олстон также выразил обеспокоенность по поводу чрезмерного влияния правительства и дальнейшей маргинализации уязвимых групп населения из-за препятствий в доступе к цифровым системам и навигации по ним. Доклад стал важным выступлением, переведя дискуссию с рассуждений о далеком будущем на признание текущих обстоятельств. В нем было подчеркнуто, что «цифровое государство всеобщего благосостояния либо уже стало реальностью, либо только зарождается во многих странах мира», при этом активно проявляются сопутствующие риски и неравенство [31].

И это вполне реальные опасения. Согласно Джонатану МакКалли, развитие алгоритмов прогнозирования и сложных моделей риска побудило правительства внедрять автоматизированные средства предотвращения и выявления мошенничества в сфере социального обеспечения. Одним из ярких примеров стала система SyRI в Нидерландах. Она включала в себя применение модели расчета рисков «черного ящика» к огромному количеству персональных данных, полученных из различных государственных органов, с целью предотвращения и борьбы с мошенничеством в таких областях, как социальное обеспечение, налогообложение и трудовое законодательство. Профили рисков, созданные с помощью секретной модели, использовались для выявления лиц, которые считались подверженными повышенному риску совершения мошенничества. Помимо того, что система SyRI достаточно произвольно вторгалась в личную жизнь получателей

[1] Report of the Special rapporteur on extreme poverty and human rights 11 October 2019. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/Poverty/A_74_48037_AdvanceUneditedVersion.docx.

The level of the Internet provision and digitalization, objectively one of the best in the world, significantly reduces the risks that all of the above positions may remain ink on paper due to the 'digital immaturity' of the regions. Today, there are all the necessary and sufficient conditions to begin implementing the above-mentioned items of the ambitious, large-scale project of 'blockchainizing' the welfare state ontology sphere ('life' and 'operation', functioning and development).

Not to harm state welfarism through digitalization of the welfare state

Many authors admit that digital technologies most often adhere to the paradigm of control and supervision, exaggeratedly prioritizing efficiency over the social care nuances [31]. In addition, digital solutions are often difficult to scale for the social protection sector, and the rapid development of digital technologies challenges some of the existing structures by providing citizens with new opportunities in areas where they see a need for something that is currently not provided by the state [19, p. 1]. On the other hand, there is a problem that digital tools are being introduced in this sector with minimal public discussion or accountability [22].

It is very important that everything we describe does not turn into a so-called 'digital concentration camp'. It is believed that this forcibly and ideologically-motivationally marginalized phrase is actively used by the yellow press. But this is not true.

Admittedly, Philip G. Alston, the UN Special Rapporteur on extreme poverty and human rights, was right to state in 2019 as follows: 'The embrace of the digital welfare state is presented as an altruistic and noble enterprise designed to ensure that citizens benefit from new technologies, experience more efficient government, and enjoy higher levels of well-being. Often, however, the digitization of welfare systems has been accompanied by deep reductions in the overall welfare budget, a narrowing of the beneficiary pool, the elimination of some services, the introduction of demanding and intrusive forms of conditionality, the pursuit of behavioral modification goals, the imposition of stronger sanctions regimes, and a complete reversal of the traditional notion that the state should be accountable to the individual' (Item 5 of the Report, p. 3); 'But as humankind moves, perhaps inexorably, towards the digital welfare future it needs to alter course significantly and rapidly to avoid stumbling zombie-like into a digital welfare dystopia. Such a future would be one in which: unrestricted data matching is used to expose and punish the slightest irregularities in the record of welfare beneficiaries (while assiduously avoiding such measures in relation to the well-off); evermore refined surveillance options enable around the clock monitoring of beneficiaries; conditions are imposed on recipients that undermine individual autonomy and choice in relation to sexual and reproductive choices, and in relation to food, alcohol and drugs and much else; and highly punitive sanctions are able to be imposed on those who step out of line' (Item 77 of the Report, p. 19)[1].

This warning highlights the significant negative consequences of the active measures of the world governments taken to digitalize, automate and informatize their social protection systems. Philip Alston expressed concerns that had previously been voiced by scientists and activists, but have not yet received widespread attention, especially those related to the possible weakening of privacy rights, increased surveillance and the fast growth of social inequality. Philip Alston was also disquieted by the excessive influence of the government and the further marginalization of vulnerable groups due to obstacles in digital systems accessing and navigating. The report became an important presentation and shifted the discussion from talking about the distant future to acknowledging current circumstances. It emphasized that 'the digital welfare state has either already become a reality or is just emerging in many countries of the world', while the associated risks and inequalities are actively revealed [31].

And these concerns are quite reasonable. According to Jonathan McCully, the development of forecasting algorithms and sophisticated risk models has prompted governments to implement automated tools for detecting fraud in the social protection sphere. One of the most vivid examples was the SyRI system in the Netherlands. It included applying a black-box risk calculation model to a huge amount of personal data obtained from various government agencies in order to prevent and combat fraud in areas such as social protection, taxation and labor law. Risk profiles created using a secret model were used to identify individuals with the increased risk of committing fraud. In addition to the fact that the SyRI system rather arbitrarily invaded the privacy of social

[1] Report of the Special Rapporteur on Extreme Poverty and Human Rights of October 11, 2019. Available at: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/ Issues/Poverty/A_74_48037_AdvanceUneditedVersion.docx.

социального обеспечения, она постоянно внедрялась в более бедных и уязвимых районах. Это приводило к тому, что определенные сообщества подвергались дополнительной стигматизации, стереотипизации и явно переизбыточному контролю. В 2020 году Окружной суд Гааги отменил правовую основу SyRI на базе концепции приоритета прав человека. Модели риска также используются для выявления «проблемных» семей, на которые обращают внимание службы по делам детей. В 2019 году местные советы в Великобритании обработали личные данные сотен тысяч людей для создания компьютерных моделей в попытке предсказать жестокое обращение с детьми и вмешаться до того, как это произойдет. Эти системы подверглись серьезной критике за то, что при определении точности прогнозирования жестокого обращения с детьми они полагаются на весьма субъективные показатели, такие как оценки, достаточно произвольно сделанные специалистами по работе с детьми или судами [22].

Сбоев цифровых технологий особенно много в государственном управлении именно в социальной сфере [34].

Заключение

Мигель Глатцер и Дитрих Рюшемейер обоснованно указывают, что даже если реальные перспективы успешной социальной политики в текущем периоде и в обозримом будущем не очень хороши для многих стран со средним уровнем дохода, не говоря уже об их более бедных развивающихся «коллегах», идея политически поддерживаемого и государственно-бюджетно спонсируемого социального обеспечения останется в глобальной повестке дня на неопределенное время в будущем [14]. По Бенту Гриву, государство всеобщего благосостояния останется, однако его размер, структура и способность достичь целей равенства и полной занятости, а также влияние национальных государств на благосостояние в условиях всё более глобального и регионализированного мира являются предметом дискуссий. В последние несколько лет мы стали свидетелями некоторого сокращения деятельности классического государства всеобщего благосостояния (например, выплаты доходов), но в то же время возросла роль государства всеобщего благосостояния в отношении новых социальных рисков и предоставления услуг, что означает, что государство всеобщего благосостояния преодолевает разрыв между поколениями и в большей степени соответствует подходу социальных инвестиций [15, p. 532].

Усилия по реформированию системы социального обеспечения, пишут Иэн Бегг, Фабиан Мушовель и Робин Ниблетт, сопряжены с рядом дилемм, касающихся надлежащих форм принятия решений и демократического контроля, однако есть основания с оптимизмом смотреть на будущее европейской социальной модели [5].

Джек Лоуренс Луцков обоснованно указывает на ценность коллективизма социального государства: «Общества, построенные на общих ценностях, порождают более счастливых людей, менее отчуждённых, потому что они больше не предоставлены сами себе, более готовых к сотрудничеству, потому что у них есть что-то общее со всеми остальными» [21, p. 21].

Согласно Элуа Лорану, светлое будущее социального государства, конечно, не высечено в камне, оно является результатом столетия социального прогресса и человеческого развития, завоеванного самыми развитыми обществами мира благодаря их свободе. Элуа Лоран задается сущностными вопросами и сам же уверенно и основательно отвечает на них. – Способствует ли социальная защита моральному ослаблению личности? Это неправда: это обеспечивает благополучие. Государство всеобщего благосостояния ограничивает экономический динамизм и подавляет создание богатства и инноваций своими невыносимыми издержками? Это ложь: это поощряет риск, развивает человеческие способности и поддерживает социальную сплочённость. Является ли государство всеобщего благосостояния финансово неустойчивым? Это неправда: это никогда не приводило к экономическому кризису [10, p. 20].

«Облако» накопленной за многие десятилетия мистифицированности социального государства требует от нас развеивания этого тумана мифов, неопределенностей и двусмысленностей относительно природы и онтологии социальности государства, как залог – верного и точного видения траекторий его эволюции в будущем.

Предиктивная аналитика реализуется посредством различных статистических методов, включая добычу данных, предиктивное моделирование и машинное обучение, которые анализируют текущие и исторические факты для того, чтобы делать прогнозы относительно будущих событий [27].

Проведенное авторами настоящей статьи сценарное предиктивное (прогностическое) моделирование по нескольким десяткам траекторий возможного (вплоть до возможного, но маловероятного, исключая сценарии при достижении совсем уж низкого уровня вероятности, сопоставимого с погрешностью расчетов) позволило сформулировать некоторые наши прогнозы.

1. Социальность государства как одна из основ конституционного строя и как один из базовых конституционных принципов останется вшита в онтологию государственности любого государства в мире.

2. Социальное государство в своих базовых дизайне и онтологии будет претерпевать трансформации и технологически обусловленные конвертации. При этом на всем протяжении этой достаточно интенсивной эволюции социального государства будет иметь место конфликт между цифровым выхолащиванием «духа» социальности в государственном строительстве и стремлением его всячески удержать и укрепить.

protection recipients, it was constantly implemented in poorer and vulnerable areas. This resulted in additional stigmatization, stereotyping and clearly excessive control of certain communities. In 2020, the Hague District Court cancelled the legal platform of SyRI based on the concept of the human rights priority. Risk models are also used to identify ‘problem’ families, which the child protective authorities are focused on. In 2019, local councils in the UK processed the personal data of hundreds of thousands of people to create computer models in an attempt to predict child abuse and intervene before it happened. These systems have been heavily criticized for relying on highly subjective indicators, such as estimates made rather arbitrarily by child care profe ssionals or courts, to determine the accuracy of predicting child abuse [22].

Failures of digital technologies in public administration are especially frequent in the social sphere [34].

Conclusion

Miguel Glatzer and Dietrich Rueschemeyer reasonably point out that even if the real prospects for successful social policy in the current and foreseeable future period are not very good for many middle-income countries, not to mention their poorer developing counterparts, the idea of politically supported and state-funded social protection will remain on the global agenda for an indefinite time in the future [14]. According to Bent Greve, the welfare state concept will remain relevant, but its size, structure, and ability to achieve the goals of equality and full employment, as well as the impact of national states on the welfare in an increasingly global and regionalized world, are the subject of debate. In the last few years, we have witnessed a slight reduction in the welfare state classical activities (fo r example, income payments), but at the same time, the role of the welfare state in relation to new social risks and service provision has increased, which means that the welfare state is bridging the gap between generations and is more in line with the social investment approach [15, p. 532].

Efforts to reform the social protection system, as Iain Begg, Fabian Muchövel and Robin Niblett put it, are connected with a number of dilemmas on the appropriate forms of decision-making and democratic control, but there are reasons to be optimistic about the future of the European social model [5].

Jack Lawrence Luzkov reasonably writes about the value of the welfare state collectivism: ‘Societies built on common values produce happier and less alienated people because they are no longer left to themselves, more willing to cooperate as they have something in common with everyone else’ [21, p. 21].

According to Éloi Laurent, the bright future of the welfare state, of course, is not carved in stone, it is the result of a century of social progress and human development gained by the most developed societies of the world thanks to their freedom. Éloi Laurent asks essential questions and answers them himself confidently and thoroughly. – Does social protection contribute to the moral weakening of the individual? This is not true: it ensures his well-being. Does the welfare state limit economic dynamism and stifle wealth creation and innovation with its unbearable expenses? This is a lie: it encourages risk, develops human abilities and supports social cohesion. Is the welfare state financially unstable? This is not true: it has never led to an economic crisis [10, p. 20].

The ‘cloud’ of the welfare state mystification, accumulated over many decades, demands that we dispel this fog of myths, uncertainties, and ambiguities about the nature and ontology of state welfarism, as a guarantee of the correct and accurate vision of the trajectories of its evolution in the future.

Predictive analytics is implemented through various statistical methods, including data mining, predictive modeling, and machine learning, which analyze current and historical facts in order to forecast future events [27].

The scenario predictive modeling carried out by the authors of this article for several dozen trajectories of the possible events (up to the possible but unlikely, excluding scenarios where a very low probability level comparable to the calculation error is reached) led to the formulation of the following forecasts:

1. The welfarism of the state as one of the fundamentals of the constitutional order and as one of the basic constitutional principles will remain embedded in the ontology of statehood of any state in the world.

2. The welfare state in its basic design and ontology will undergo transformations and technologically driven conversions. At the same time, throughout this rather intensive evolution of the welfare state, there will be a conflict between the digital emasculation of the ‘spirit’ of welfarism in the state construction and the desire to retain and strengthen it in every possible way.

социального обеспечения, она постоянно внедрялась в более бедных и уязвимых районах. Это приводило к тому, что определенные сообщества подвергались дополнительной стигматизации, стереотипизации и явно переизбыточному контролю. В 2020 году Окружной суд Гааги отменил правовую основу SyRI на базе концепции приоритета прав человека. Модели риска также используются для выявления «проблемных» семей, на которые обращают внимание службы по делам детей. В 2019 году местные советы в Великобритании обработали личные данные сотен тысяч людей для создания компьютерных моделей в попытке предсказать жестокое обращение с детьми и вмешаться до того, как это произойдет. Эти системы подверглись серьезной критике за то, что при определении точности прогнозирования жестокого обращения с детьми они полагаются на весьма субъективные показатели, такие как оценки, достаточно произвольно сделанные специалистами по работе с детьми или судами [22].

Сбоев цифровых технологий особенно много в государственном управлении именно в социальной сфере [34].

Заключение

Мигель Глатцер и Дитрих Рюшемейер обоснованно указывают, что даже если реальные перспективы успешной социальной политики в текущем периоде и в обозримом будущем не очень хороши для многих стран со средним уровнем дохода, не говоря уже об их более бедных развивающихся «коллегах», идея политически поддерживаемого и государственно-бюджетно спонсируемого социального обеспечения останется в глобальной повестке дня на неопределенное время в будущем [14]. По Бенту Гриву, государство всеобщего благосостояния останется, однако его размер, структура и способность достичь целей равенства и полной занятости, а также влияние национальных государств на благосостояние в условиях всё более глобального и регионализированного мира являются предметом дискуссий. В последние несколько лет мы стали свидетелями некоторого сокращения деятельности классического государства всеобщего благосостояния (например, выплаты доходов), но в то же время возросла роль государства всеобщего благосостояния в отношении новых социальных рисков и предоставления услуг, что означает, что государство всеобщего благосостояния преодолевает разрыв между поколениями и в большей степени соответствует подходу социальных инвестиций [15, p. 532].

Усилия по реформированию системы социального обеспечения, пишут Иэн Бегг, Фабиан Мушовель и Робин Ниблетт, сопряжены с рядом дилемм, касающихся надлежащих форм принятия решений и демократического контроля, однако есть основания с оптимизмом смотреть на будущее европейской социальной модели [5].

Джек Лоуренс Луцков обоснованно указывает на ценность коллективизма социального государства: «Общества, построенные на общих ценностях, порождают более счастливых людей, менее отчуждённых, потому что они больше не предоставлены сами себе, более готовых к сотрудничеству, потому что у них есть что-то общее со всеми остальными» [21, p. 21].

Согласно Элуа Лорану, светлое будущее социального государства, конечно, не высечено в камне, оно является результатом столетия социального прогресса и человеческого развития, завоеванного самыми развитыми обществами мира благодаря их свободе. Элуа Лоран задается сущностными вопросами и сам же уверенно и основательно отвечает на них. – Способствует ли социальная защита моральному ослаблению личности? Это неправда: это обеспечивает благополучие. Государство всеобщего благосостояния ограничивает экономический динамизм и подавляет создание богатства и инноваций своими невыносимыми издержками? Это ложь: это поощряет риск, развивает человеческие способности и поддерживает социальную сплочённость. Является ли государство всеобщего благосостояния финансово неустойчивым? Это неправда: это никогда не приводило к экономическому кризису [10, p. 20].

«Облако» накопленной за многие десятилетия мистифицированности социального государства требует от нас развеивания этого тумана мифов, неопределенностей и двусмысленностей относительно природы и онтологии социальности государства, как залог – верного и точного видения траекторий его эволюции в будущем.

Предиктивная аналитика реализуется посредством различных статистических методов, включая добычу данных, предиктивное моделирование и машинное обучение, которые анализируют текущие и исторические факты для того, чтобы делать прогнозы относительно будущих событий [27].

Проведенное авторами настоящей статьи сценарное предиктивное (прогностическое) моделирование по нескольким десяткам траекторий возможного (вплоть до возможного, но маловероятного, исключая сценарии при достижении совсем уж низкого уровня вероятности, сопоставимого с погрешностью расчетов) позволило сформулировать некоторые наши прогнозы.

1. Социальность государства как одна из основ конституционного строя и как один из базовых конституционных принципов останется вшита в онтологию государственности любого государства в мире.

2. Социальное государство в своих базовых дизайне и онтологии будет претерпевать трансформации и технологически обусловленные конвертации. При этом на всем протяжении этой достаточно интенсивной эволюции социального государства будет иметь место конфликт между цифровым выхолащиванием «духа» социальности в государственном строительстве и стремлением его всячески удержать и укрепить.

protection recipients, it was constantly implemented in poorer and vulnerable areas. This resulted in additional stigmatization, stereotyping and clearly excessive control of certain communities. In 2020, the Hague District Court cancelled the legal platform of SyRI based on the concept of the human rights priority. Risk models are also used to identify ‘problem’ families, which the child protective authorities are focused on. In 2019, local councils in the UK processed the personal data of hundreds of thousands of people to create computer models in an attempt to predict child abuse and intervene before it happened. These systems have been heavily criticized for relying on highly subjective indicators, such as estimates made rather arbitrarily by child care profe ssionals or courts, to determine the accuracy of predicting child abuse [22].

Failures of digital technologies in public administration are especially frequent in the social sphere [34].

Conclusion

Miguel Glatzer and Dietrich Rueschemeyer reasonably point out that even if the real prospects for successful social policy in the current and foreseeable future period are not very good for many middle-income countries, not to mention their poorer developing counterparts, the idea of politically supported and state-funded social protection will remain on the global agenda for an indefinite time in the future [14]. According to Bent Greve, the welfare state concept will remain relevant, but its size, structure, and ability to achieve the goals of equality and full employment, as well as the impact of national states on the welfare in an increasingly global and regionalized world, are the subject of debate. In the last few years, we have witnessed a slight reduction in the welfare state classical activities (fo r example, income payments), but at the same time, the role of the welfare state in relation to new social risks and service provision has increased, which means that the welfare state is bridging the gap between generations and is more in line with the social investment approach [15, p. 532].

Efforts to reform the social protection system, as Iain Begg, Fabian Muchövel and Robin Niblett put it, are connected with a number of dilemmas on the appropriate forms of decision-making and democratic control, but there are reasons to be optimistic about the future of the European social model [5].

Jack Lawrence Luzkov reasonably writes about the value of the welfare state collectivism: ‘Societies built on common values produce happier and less alienated people because they are no longer left to themselves, more willing to cooperate as they have something in common with everyone else’ [21, p. 21].

According to Éloi Laurent, the bright future of the welfare state, of course, is not carved in stone, it is the result of a century of social progress and human development gained by the most developed societies of the world thanks to their freedom. Éloi Laurent asks essential questions and answers them himself confidently and thoroughly. – Does social protection contribute to the moral weakening of the individual? This is not true: it ensures his well-being. Does the welfare state limit economic dynamism and stifle wealth creation and innovation with its unbearable expenses? This is a lie: it encourages risk, develops human abilities and supports social cohesion. Is the welfare state financially unstable? This is not true: it has never led to an economic crisis [10, p. 20].

The ‘cloud’ of the welfare state mystification, accumulated over many decades, demands that we dispel this fog of myths, uncertainties, and ambiguities about the nature and ontology of state welfarism, as a guarantee of the correct and accurate vision of the trajectories of its evolution in the future.

Predictive analytics is implemented through various statistical methods, including data mining, predictive modeling, and machine learning, which analyze current and historical facts in order to forecast future events [27].

The scenario predictive modeling carried out by the authors of this article for several dozen trajectories of the possible events (up to the possible but unlikely, excluding scenarios where a very low probability level comparable to the calculation error is reached) led to the formulation of the following forecasts:

1. The welfarism of the state as one of the fundamentals of the constitutional order and as one of the basic constitutional principles will remain embedded in the ontology of statehood of any state in the world.

2. The welfare state in its basic design and ontology will undergo transformations and technologically driven conversions. At the same time, throughout this rather intensive evolution of the welfare state, there will be a conflict between the digital emasculation of the ‘spirit’ of welfarism in the state construction and the desire to retain and strengthen it in every possible way.

A Cross-National Analysis of Differences between Globalization Winners and Losers // Weatherhead Center for International Affairs Working Paper Series. 2009. № 09-0015. 43 p.

33. *Wolff G. B., Hüttl P.* Charting Public Opinion on the Future of the Welfare State. 2015. URL: https://www.bruegel.org/blog-post/charting-public-opinion-future-welfare-state.

34. *Yeung K.* The New Public Analytics as an Emerging Paradigm in Public Sector Administration // Tilburg Law Review. 2022. Vol. 27. № 2. Pp. 1–32.

References

1. Degtyarev M. V. *Vse bolee uslozhnyayushchayasya slozhnost' prava* [The Increasing Complexity of Law]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* – NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 2023. Vol. 48. Issue 2. Pp. 317–325. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-317-325. (In Russ.).

2. Schleicher A. *Teoriya Darvina v primenenii k nauke o yazyke* [Darwinism Tested by the Science of Language]: A public message to Dr. Ernst Haeckel, Extraordinary Professor of Zoology and Director of the Museum of Zoology at Jena University, by August Schleicher. St. Petersburg, 1864. 14 p. (In Russ.).

3. Alesina A., Glaeser E., Sacerdote B. *Why Doesn't the US Have a European-Style Welfare System?* NBER Working Paper Series. 2001. No. 8524. 66 p. (In Eng.).

4. Ates M. Social Innovation as a New Social Policy Tool for Regional Government Institutions in Smart Territories. *Handbook of Research on Smart Territories and Entrepreneurial Ecosystems for Social Innovation and Sustainable Growth.* Hershey (PA, USA): IGI Global, 2019. 53-66 p. (In Eng.).

5. Begg I., Mushövel F., Niblett R. *The Welfare State in Europe: Visions for Reform*. Berlin: Bertelsmann Studies, 2015. 26 p. (In Eng.).

6. Blekesaune M. Economic Conditions and Public Attitudes to Welfare Policies. *European Sociological Review*. 2007. Vol. 23. Issue 3. Pp. 393–403. (In Eng.).

7. Briggs A. The Welfare State in Historical Perspective. *European Journal of Sociology*. 1961. Vol. 2. Issue 2. Pp. 221–258. DOI: 10.1017/S0003975600000412. (In Eng.).

8. Cameron D. R. The Expansion of the Public Economy: A Comparative Analysis. *American Political Science Review*. 1978. Issue 72 (04). Pp. 1243–1261. (In Eng.).

9. Clasen J. J., Oorschot van W. J. H. Changing Principles in European Social Security. *European Journal of Social Security*. 2002. Issue 4 (2). Pp. 89–115. (In Eng.).

10. Cusack T., Iversen T., Rehm P. Risks at Work: The Demand and Supply Sides of Government Redistribution. *Oxford Review of Economic Policy.* 2006. Issue 22 (3). Pp. 365–389. (In Eng.).

11. Ervasti H., Andersen J. G., Ringdal K. Introduction. *The Future of the Welfare State: Social Policy Attitudes and Social Capital in Europe.* Cheltenham (UK): Edward Elgar Publishing, 2012. Pp. 1–16. (In Eng.).

12. Esping-Andersen G. *After the Golden Age: The Future of the Welfare State in the New Global Order*. Geneva (Switzerland): United Nations Research Institute for Social Development, 1994. 35 p. (In Eng.).

13. Giuliano P., Alesina A. F. *Preferences for Redistribution*. IZA Discussion Paper No. 4056. 2009. 40 p. (In Eng.).

14. Glatzer M., Rueschemeyer D. An Introduction to the Problem. *Globalization and the Future of the Welfare State*. Pittsburgh (Pennsylvania, USA): University of Pittsburgh Press, 2004. 276 p. (In Eng.).

15. Greve B. Future of the Welfare State? *Routledge Handbook of the Welfare State.* New York: Routledge, 2019. 2nd ed. 525-533 p. (In Eng.).

16. Greve B. *Human Needs and the Welfare State*. Cheltenham (UK): Edward Elgar Publishing, 2024. 133 p. (In Eng.).

17. Iversen T., Soskice D. An Asset Theory of Social Policy Preferences. *American Political Science Review*. 2001. Issue 95 (4). Pp. 875–893. (In Eng.).

18. Iversen T., Soskice D. Distribution and Redistribution: The Shadow of the Nineteenth Century. *World Politics*. 2009. Issue 61. Pp. 438–486. (In Eng.).

19. Larsson A., Teigland R. An Introduction to Digital Welfare. A Way Forward? *Digital Transformation and Public Services: Societal Impacts in Sweden and Beyond*. London: Routledge, 2019. 378 p. (In Eng.).

20. Laurent E. *Le bel avenir de l'Etat-Providence* [The Bright Future of the Welfare State]. Paris: Liens liberent, 2014. 160 p. (In Fr.)

21. Luzkow J. L. *The Great Forgetting: The Past, Present and Future of Social Democracy and the Welfare State*. Manchester: Manchester University Press, 2016. 227 p. (In Eng.).

22. McCully J. *Explainer: What Is the 'Digital Welfare State'?* 2020. Available at: https://digitalfreedomfund.org/explainer-what-is-the-digital-welfare-state/. (In Eng.).

23. Merton R. K. The Self-Fulfilling Prophecy. *The Antioch Review*. 1948. Vol. 8. Issue 2. Pp. 193–210. (In Eng.).

24. Moene K. O., Wallerstein M. Inequality, Social Insurance, and Redistribution. *American Political Science Review*. 2001. Issue 95 (4). Pp. 859–874. (In Eng.).

25. Rehm P. Risk and Redistribution: An Indivi dual-Level Analysis. *Comparative Political Studies*. 2009. Issue 42 (7). Pp. 855–881. (In Eng.).

26. Rodrik D. Why Do More Open Economies Have Larger Governments? *Journal of Political Economy*.1998. Issue 106 (5). Pp. 997–1032. (In Eng.).

27. Siegel E. *Predictive Analytics: The Power to Predict Who Will Click, Buy, Lie, or Die*. Hoboken (NJ, USA): Wiley, 2013. 338 p. (In Eng.).

28. Snower D. J. The Future of the Welfare State. *The Economic Journal*. 1993. Vol. 103. Issue 418. Pp. 700–717. (In Eng.).

29. Tartan C. C. A Blockchain-Based Welfare Distribution Model for Digital Inclusivity. *Archives*. 2023. Vol. 10. Issue 1. Pp. 19–44. (In Eng.).

30. Taylor-Gooby P. *New Risks and Social Change*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 28 p. (In Eng.).

31. Toorn van G., Henman P., Soldatić K. Introduction to the Digital Welfare State: Contestations, Considerations and Entanglements. *Journal of Sociology*. 2024. Vol. 60. Issue 3. Pp. 508–509. (In Eng.).

32. Walter S., Maduz L. *How Globalization Shapes Individual Risk Perceptions and Policy Preferences: A Cross-National Analysis of Differences Between Globalization Winners and Losers*. Weatherhead Center for International Affairs Working Paper Series. 2009. No. 09-0015. 43 p. (In Eng.).

33. Wolff G. B., Hüttl P. *Charting Public Opinion on the Future of the Welfare State*. 2015. Available at: https://www.bruegel.org/blog-post/charting-public-opinion-future-welfare-state. (In Eng.).

34. Yeung K. The New Public Analytics as an Emerging Paradigm in Public Sector Administration. *Tilburg Law Review*. 2022. Vol. 27. Issue 2. Pp. 1–32. (In Eng.).

References in Russian

1. *Дегтярев М. В.* Всё более усложняющаяся сложность права // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2023. Т. 48, № 2. С. 317–325. DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-317-325.

2. *Шлейхер А.* Теория Дарвина в применении к науке о языке. Публ. послание д-ру Эрнсту Генкелю, э.о. проф. зоологии и дир. Зоол. музея при Иен. ун-те, Августа Шлейхера. СПб.: Тип. П. А. Кулиша, 1864. 14 с.

3. *Alesina A., Glaeser E., Sacerdote B.* Why Doesn't the US Have a European-Style Welfare System? // NBER Working Paper Series. 2001. № 8524. 66 p.

4. *Ates M.* Social Innovation as a New Social Policy Tool for Regional Government Institutions in Smart Territories // Handbook of Research on Smart Territories and Entrepreneurial Ecosystems for Social Innovation and Sustainable Growth. Hershey (PA, USA): IGI Global, 2019. Pp. 53–66.

5. *Begg I., Mushövel F., Niblett R.* The Welfare State in Europe: Visions for Reform. Berlin: Bertelsmann Studies, 2015. 26 p.

6. *Blekesaune M*. Economic Conditions and Public Attitudes to Welfare Policies // European Socio logical Review. 2007. Vol. 23. № 3. Pp. 393–403.

7. *Briggs A.* The Welfare State in Historical Perspective // European Journal of Sociology. 1961. Vol. 2. № 2. Pp. 221–258. DOI: 10.1017/S0003975600000412.

8. *Cameron D. R.* The Expansion of the Public Economy: A Comparative Analysis // American Political Science Review. 1978. № 72(04). Pp. 1243–1261.

9. *Clasen J. J., Oorschot van W. J. H.* Changing Principles in European Social Security // European Journal of Social Security. 2002. № 4 (2). Pp. 89–115.

10. *Cusack T., Iversen T., Rehm P* . Risks at Work: The Demand and Supply Sides of Government Redistribution // Oxford Review of Economic Policy. 2006. № 22 (3). Pp. 365–389.

11. *Ervasti H., Andersen J. G., Ringdal K.* Introduction // The Future of the Welfare State: Social Policy Attitudes and Social Capital in Europe. Cheltenham (UK): Edward Elgar Publishing, 2012. Pp. 1–16.

12. *Esping-Andersen G.* After the Golden Age: The Future of the Welfare State in the New Global Order. Geneva (Switzerland): United Nations Research Institute for Social Development, 1994. 35 p.

13. *Giuliano P., Alesina A.F.* Preferences for Redistribution // IZA Discussion Paper. 2009. № 4056. 40 p.

14. *Glatzer M., Rueschemeyer D.* An Introduction to the Problem // Globalization and the Future of the Welfare State. Pittsburgh (Pennsylvania, USA): University of Pittsburgh Press, 2004. 276 p.

15. *Greve B.* Future of the Welfare State? // Routledge Handbook of the Welfare State. New York: Routledge, 2019. Ed. 2. 2nd ed. Pp. 525–533.

16. *Greve B.* Human Needs and the Welfare State. Cheltenham (UK): Edward Elgar Publishing, 2024. 133 p.

17. *Iversen T., Soskice D.* An Asset Theory of Social Policy Preferences // American Political Science Review. 2001. № 95 (4). Pp. 875–893.

18. *Iversen T., Soskice D.* Distribution and Redistribution: The Shadow of the Nineteenth Century // World Politics. 2009. № 61. Pp. 438–486.

19. *Larsson A., Teigland R.* An Introduction to Digital Welfare. A Way Forward? // Digital Transfor mation and Public Services: Societal Impacts in Sweden and Beyond. London: Routledge, 2019. 378 p.

20. *Laurent E.* Le bel avenir de l'Etat-Providence. Paris: Liens liberent, 2014. 160 p.

21. *Luzkow J. L.* The Great Forgetting: The Past, Present and Future of Social Democracy and the Welfare State. Manchester: Manchester University Press, 2016. 227 p.

22. *McCully J.* Explainer: What is the 'Digital Welfare State'? 2020. URL: https://digitalfreedomfund.org/explainer-what-is-the-digital-welfare-state/.

23. *Merton R. K.* The Self-Fulfilling Prophecy // The Antioch Review. 1948. Vol. 8. № 2. Pp. 193–210.

24. *Moene K. O., Wallerstein M.* Inequality, Social Insurance, and Redistribution // American Political Science Review. 2001. № 95 (4). Pp. 859–874.

25. *Rehm P.* Risk and Redistribution: An Individual-Level Analysis // Comparative Political Studies. 2009. № 42 (7). Pp. 855–881.

26. *Rodrik D.* Why Do More Open Economies Have Larger Governments? // Journal of Political Economy. 1998. № 106 (5). Pp. 997–1032.

27. *Siegel E.* Predictive Analytics: The Power to Predict Who Will Click, Buy, Lie, or Die. Hoboken (NJ, USA): Wiley, 2013. 338 p.

28. *Snower D. J.* The Future of the Welfare State // The Economic Journal. 1993. Vol. 103. № 418. P. 700–717.

29. Tartan C. C. A Blockchain-Based Welfare Distribution Model for Digital Inclusivity. *Archives*. 2023. Vol. 10. Issue 1. Pp. 19–44. (In Eng.).

30. Taylor-Gooby P. *New Risks and Social Change*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 28 p. (In Eng.).

31. Toorn van G., Henman P., Soldatić K. Introduction to the Digital Welfare State: Contestations, Considerations and Entanglements. *Journal of Sociology*. 2024. Vol. 60. Issue 3. Pp. 508–509. (In Eng.).

32. Walter S., Maduz L. *How Globalization Shapes Individual Risk Perceptions and Policy Preferences: A Cross-National Analysis of Differences Between Globalization Winners and Losers*. Weatherhead Center for International Affairs Working Paper Series. 2009. No. 09-0015. 43 p. (In Eng.).

33. Wolff G. B., Hüttl P. *Charting Public Opinion on the Future of the Welfare State*. 2015. Available at: https://www.bruegel.org/blog-post/charting-public-opinion-future-welfare-state. (In Eng.).

34. Yeung K. The New Public Analytics as an Emerging Paradigm in Public Sector Administration. *Tilburg Law Review*. 2022. Vol. 27. Issue 2. Pp. 1–32. (In Eng.).

Информация об авторах:

Е. В. Аристов
Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного
и административного права
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Профессор кафедры правовых дисциплин
и методики преподавания права
Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24

ORCID: 0000-0003-2445-3840
ResearcherID: D-2713-2016

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.17072/1995-4190-2015-3-8-14
DOI: 10.17072/1995-4190–2016-32-149-157
DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-417-429
DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-418-441
DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-194-214
DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-350-372

И. В. Понкин
Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления
Институт государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 82

ORCID: 0000-0003-4438-6649
Researcher ID: D-3414-2016

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-1-28-34
DOI: 10.24031/2226-0781-2017-7-2-11-30
DOI: 10.17072/1995-4190-2017-37-249-259
DOI: 10.21508/1027-4065-2020-65-2-7-14

29. *Tartan C. C.* A Blockchain-Based Welfare Distribution Model for Digital Inclusivity // Archives. 2023. Vol. 10. № 1. Pp. 19–44.

30. *Taylor-Gooby P.* New Risks and Social Change. Oxford: Oxford University Press, 2004. 28 p.

31. *Toorn van G., Henman P., Soldatić K.* Introduction to the Digital Welfare State: Contestations, Considerations and Entanglements // Journal of Sociology. 2024. Vol. 60. № 3. Pp. 508–509.

32. *Walter S., Maduz L.* How Globalization Shapes Individual Risk Perceptions and Policy Preferences: A Cross-National Analysis of Differences between Globalization Winners and Losers // Weatherhead Center for International Affairs Working Paper Series. 2009. № 09-0015. 43 p.

33. *Wolff G. B., Hüttl P.* Charting Public Opinion on the Future of the Welfare State. 2015. URL: https://www.bruegel.org/blog-post/charting-public-opinion-future-welfare-state.

34. *Yeung K.* The New Public Analytics as an Emerging Paradigm in Public Sector Administration // Tilburg Law Review. 2022. Vol. 27. № 2. Pp. 1–32.

About the authors:

E. V. Aristov
Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

Perm State Humanitarian-Pedagogical University
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0003-2445-3840
ResearcherID: D-2713-2016

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.17072/1995-4190-2015-3-8-14
DOI: 10.17072/1995-4190–2016-32-149-157
DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-417-429
DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-418-441
DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-194-214
DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-350-372

I. V. Ponkin
Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82, prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia

ORCID: 0000-0003-4438-6649
ResearcherID: D-3414-2016

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-1-28-34
DOI: 10.24031/2226-0781-2017-7-2-11-30
DOI: 10.17072/1995-4190-2017-37-249-259
DOI: 10.21508/1027-4065-2020-65-2-7-14

Информация об авторах:

Е. В. Аристов
Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного
и административного права
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Профессор кафедры правовых дисциплин
и методики преподавания права
Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24

ORCID: 0000-0003-2445-3840
ResearcherID: D-2713-2016

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.17072/1995-4190-2015-3-8-14
DOI: 10.17072/1995-4190–2016-32-149-157
DOI: 10.17072/1995-4190-2017-38-417-429
DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-418-441
DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-194-214
DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-350-372

И. В. Понкин
Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления
Институт государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 82

ORCID: 0000-0003-4438-6649
Researcher ID: D-3414-2016

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.17072/1995-4190-2016-1-28-34
DOI: 10.24031/2226-0781-2017-7-2-11-30
DOI: 10.17072/1995-4190-2017-37-249-259
DOI: 10.21508/1027-4065-2020-65-2-7-14